

Анхель де КуатьЭ

ИСПОВЕДЬ ЛЮЦИФЕРА

Смысл жизни... Есть ли он? Одни из нас живут, потому что любят, другие — потому что боятся умереть. Но одно ли это и то же — «наполнить жизнь смыслом» и «найти смысл жизни»? Новая книга Анхеля де Куатьэ написана с такой силой чувств, что остаться безучастным к его «Исповеди» просто невозможно. Главная героиня Саша, горящая страстями Дантовского ада, пройдет в своем эзотерическом путешествии от одной ипостаси человеческого существа к другой — от тела, к сознанию, а от сознания — к духу. Чтобы в конце этого пути увидеть Свет, который открывает смысл человеческой жизни. Верить в Свет даже на дне бездны, видеть Его и в кромешной тьме ада, помнить о Нем, что бы ни случилось, нести в себе и находить в других — вот урок, который даст нам шестая Скрижаль Завета. Осталась еще одна Скрижаль, последний шаг, последняя тайна... «Смысл нашей жизни не в том, чтобы удовлетворить все свои желания и мечты. Это тупик, лабиринт без выхода. Стремиться к чему-то — хорошо. Но само это стремление — только сила, оно еще не смысл жизни.» Поиски скрижалей продолжаются!

Анхель де Куатьэ

Исповедь Люцефера

шестая скрижаль завета

Когда я прочел эту книгу, мне подумалось, что она последняя, что седьмой Скрижали просто не будет. Разве можно сказать что-то еще? Что-то большее?..

Анхель де Куатьэ раскрыл в «Исповеди Люцифера» тайну любви и тайну смерти. И сделал это с такой силой чувств, что остаться безучастным к его «Исповеди» просто невозможно.

Любовь и смерть наполняют жизнь человека смыслом. Одни из нас живут, потому что любят, другие — потому что боятся умереть. Но одно ли это и то же — «наполнить жизнь смыслом» и «найти смысл жизни»?

И что такое вообще смысл жизни? Есть ли он? Тысячелетиями о нем спрашивают старики и дети. Но кто слышал ответ? Его нельзя вычитать в книге. Его можно только *почувствовать*.

В каждом из нас плоть спорит с сознанием, а сознание, не зная усталости, противостоит духу. И вот сейчас Анхель де Куатьэ предлагает всем нам пуститься в путешествие. Мы пройдем от одной ипостаси человеческого существа к другой: от тела к сознанию, а от сознания — к духу, чтобы в конце этого пути увидеть Свет — Свет, открывающий смысл человеческой жизни.

Семь веков назад Данте прошел тем же путем. Ад его «Божественной комедии» — искушения плоти. Чистилище — испытания разума, Рай — раскрытие духа. Это был его *путь* к Беатриче. Дорога, вымощенная сотней песен, в четырнадцать тысяч двести тридцать три стиха. И все это лишь с одной-единственной целью — запечатлеть на вершине Мироздания свою Любовь, свою Беатриче.

Такое объяснение в любви кажется странным, натянутым, избыточным, слишком эксцентричным. Это отмечали все исследователи и комментаторы «Божественной комедии». Но как иначе этот мудрец мог одновременно и открыть, и сохранить свою тайну?.. Сейчас, читая Анхеля де Куатьэ, вы поймете, о чем я пытаюсь сказать.

Эта, уже седьмая по счету, книга Анхеля де Куатьэ получила название «Исповедь Люцифера». Согласно легенде, рассказанной в ветхозаветных книгах Исаяи и Иезекииля, Люцифер был самым прекрасным из всех ангелов Господа — «солнечный», «несущий свет» — так переводится его имя. Божье дитя...

Но однажды Люцифер понял, что ему нет нужды в Боге. И действительно, зачем такому могущественному и прекрасному ангелу Бог?.. Люцифер обратился к своим братьям, другим ангелам: «Зачем мы живем в тирании? Зачем нам Бог? Каждый имеет право быть и чувствовать себя свободным!»

И Бог дал ему то, чего он хотел. Люцифер получил свободу. Стал ли он от этого счастливым? Не думаю.

Имя этого блудного Божьего сына стало нарицательным. Теперь он олицетворяет собой зло и порок, он — «Князь Тьмы» и «исчадие Ада». Но что такое Тьма? Разве это грехи, без которых не проходит ни одна человеческая жизнь? Да и как Божье дитя, пусть даже самое непослушное из всех, способно стать *воплощением* Тьмы?

Тьма никогда не исходит от Света, и грех — это еще не Тьма. Вот, что понимаешь, читая «Исповедь Люцифера» Анхеля де Куатьэ.

Верить в Свет даже на дне бездны, видеть Его и в кромешной тьме ада, помнить о Нем, что бы ни случилось, нести в себе и находить в других — вот урок, который дает нам шестая Скрижаль Завета. Ибо, как писал Рильке: «Но есть Один; он держит все паденья с безмерной нежностью в своей руке».

Я не знаю, о чем будет восьмая книга Анхеля де Куатьэ, но я продолжаю верить и ждать. Осталась еще одна Скрижаль, последний шаг, последняя тайна...

Издатель

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обычно видения Данилы подсказывали нам правильное направление поисков, но не в этот раз. Обрывочные, очень странные, лишенные внутренней связи, они только путали и сбивали нас с толку. В какой-то момент Данила и вовсе решил, что это информация из потустороннего мира и что нам туда путь заказан.

Вслушиваясь в рассказы моего друга, я почему-то вспомнил о Данте. Образы, которые посещали Данилу, чем-то очень напоминали картины Ада, описанные Данте Алигьери в его «Божественной комедии». Я дал Даниле эту книгу. Он стал читать ее с жадностью. Он не просто читал — он погружался в нее.

Но это никак не помогло нашим поискам. Утверждения Данилы, что, мол, человек с шестой Скрижалью находится в дантовском Аду, не внушали мне ни оптимизма, ни рвения. А мои собственные попытки войти в пространство сновидений и отыскать этого человека там, успехом не увенчались. Все тщетно.

Мы так и не встретили человека, носившего в себе шестую Скрижаль Завета. Я должен был писать эту книгу, зная всего лишь несколько фактов. Отдельные переживания — образы, чувства, картинки. Словно мозаика в детском игрушечном тубусе — игра отражений, ничего больше!

Как из этого сделать книгу? О чем она?! Книга о том, что мы не нашли шестую Скрижаль?! Я, было, совсем отчаялся.

И сейчас мне стыдно. Мне стыдно за свое отчаяние. Я думал, что мы с Данилой ищем Скрижали, что это наша миссия. Я словно бы забыл, что в этом мире многие помнят о своем внутреннем Свете. И когда жизнь ставит перед ними задачи, они не сдаются и не падают духом. Они, ведомые своим Светом, творят Добро. А Добро, если оно настоящее, и есть чудо. И мы стали свидетелями чуда...

Тот, кто читал «Маленькую Принцессу», наверное, понимает, почему мы с Данилой решили более не усугублять свое положение дополнительной публичностью. Прежде нужно найти все семь Скрижалей, понять, какова их цель и как правильно ими распорядиться. А до этого нам не следует рассказывать о себе. Это неоправданный риск.

Но Издатель к этому времени уже разместил в «Дневнике сумасшедшего» наш электронный адрес в Интернете. Учитывая предупреждения индуса, мы с Данилой приняли решение не пользоваться этим адресом, чтобы ничем не выдать свое местонахождение.

Я начал набрасывать текст этой книги, как вдруг видения Данилы дали, наконец, четкую подсказку. Поразительно, она была связана именно с Интернетом. Мы бросились в ближайший компьютерный клуб и обратились к своему электронному почтовому ящику.

Среди сотен и сотен писем нас ждало одно — от Саши.

«Знаю твои дела; вот, Я отворил пред тобою дверь, и никто не может затворить ее; ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся от имени Моего.

И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле.

Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего.

Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима,

нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое.Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам».

Откровение святого

Иоанна Богослова,

3:8. 10-13

Шекспир погрешил против истины, когда написал: «Но нет печальней повести на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте». Потому что повесть, много печальнее этой, случилась недалеко от той же Вероны — во Флоренции — тремя столетиями раньше. Это повесть о Данте и Беатриче.

На площади возле кафедрального собора Флоренции Сайта Мария дель Фиоре всегда шумно и многолюдно. Так что, если вам захочется тишины, возьмите чуть правее от собора и вы окажетесь на небольшой улочке — Виа Данте. Здесь жил до своего изгнания отпрыск старинной, благородной флорентийской семьи Данте Алигьери.

На этой же улице он повстречал юную Беатриче Портинари, в замужестве деи Барди. И здесь же, в маленькой церквушке Святой Маргариты, зажатой между домами, покоится ее тело. Небольшая плита в стене хранит ее имя, воспетое в веках великим поэтом. С ним на устах он и умер после тридцати лет абсолютного одиночества.

Они увидели друг друга, когда обоим было всего по девять лет. Едва взор юного Данте коснулся этой девочки, одетой в светящиеся алым цветом одежды, мальчик явственно ощутил присутствие Дух Жизни. И трепеща от восторга, услышал в своем сердце пророческие слова: «Вот бог сильнее меня, кто, придя, получит власть надо мной».

Данте грезил о возлюбленной, вспоминал ее, искал глазами на улицах города. Но все тщетно. Второй раз они встретились лишь через девять лет — им было по восемнадцать. Беатриче приветствовала Данте легким движением головы. Секундная встреча на узкой флорентийской улочке показалась поэту вечностью. Вернувшись домой, он напишет свой первый сонет.

Потом будет встреча в церкви, где Данте вдруг поймет, что он не может совладать со своими чувствами, не в силах контролировать себя. Чтобы не выдать тайну своего сердца, он сделает вид, будто бы интересуется другими дамами. Злые языки сообщат об этом Беатриче, и с тех пор она более ни разу не поклонится ему при встрече. Данте убит горем.

И хотя случай предоставит поэту еще одну возможность увидеть Беатриче, лучше бы этой встречи не было в его жизни. Данте снова взволнован и так смущается, что Беатриче начинает потешаться над ним. Она смеется над любящим ее Данте в присутствии многочисленной флорентийской знати. Это уничтожает поэта.

Проплакав всю ночь, он решает никогда более не искать встречи с избранницей своего сердца. Отныне он посвятит себя прославлению Беатриче. Эта фантазия станет источником его блаженства — святая Беатриче, подобная божеству. Матерь Мира. Высшая точка в бесконечном пространстве Космоса.

А настоящая Беатриче тем временем выйдет замуж и вскоре умрет, на двадцать пятом году жизни. Молодая и красивая, словно цветущая роза рая. Такой мы ее и запомним — немного взбалмошной, высокомерной, чуть-чуть жестокой и бесконечно красивой. Мы помним о ней лишь благодаря Данте — гению, который посвятил всю свою жизнь этой ничем не примечательной флорентийской девушке.

В жизни самого Данте будет еще много событий: членство в правительстве Флоренции, политические баталии между гвельфами и гибеллинами, изгнание из родного города, смертный приговор — сожжением на костре, двадцать лет скитаний, еще один смертный приговор, смерть в Равенне, пустой саркофаг во Флоренции в церкви Санта-Кроче, и вечная тяжба двух городов за право обладания его прахом.

А еще он напишет «Божественную комедию» — великое и безумное, богохульное произведение. Весь мир Данте разместил на виртуальных этажах своей «матрицы» — кого-то отправил в Ад, кому-то отвел место в Чистилище, избранным дал Рай. А Рай увенчал фигурой Беатриче — такой же холодной и недоступной, как и в его жизни.

Да, все ради этой цели — возвеличить любовь, которая была лишь мечтой, поставить ее выше религии, выше Бога.

А вот мечту, ставшую явью, олицетворяют в «Божественной комедии» любовники Франческо и Паоло — красивые, страстные, бесконечно преданные друг другу и обреченные на вечные нестерпимые муки. Данте разместил их в Аду...

«Беатриче значила для Данте бесконечно много, — пишет Хорхе Луис Борхес. — Он для нее — очень мало, может быть, ничего. Все мы склонны к благоговейному почитанию любви Данте, забывая эту печальную разницу, незабываемую для самого поэта.

Читая и перечитывая их воображаемую встречу в Раю, я думаю о двух любовниках, которые пригрезились Алигьери в вихре Ада — о туманных символах счастья, недоступного Данте; хотя сам он, быть может, не понимал этого и не помышлял об этом.

Я думаю о Франческе и Паоло, соединенных в своем Аду навсегда, думаю с любовью и тревогой, с восхищением, с завистью.

«Комедия» — это сон Данте, и она не более, чем сюжет сна».

На Сашу свалилось множество дел. Ее назначили в комиссию по проверке подведомственных учреждений — СИЗО и колоний, проштрафившихся голодовками заключенных. Обязали в связи со служебной проверкой, начатой в рамках борьбы с «оборотнями в погонах». Прислали для экспертного заключения три дела по серийным преступлениям с сексуальным содержанием. Наконец, попросили заняться отчетами отдела, переработать план работы на второе полугодие. Ну, и всякая мелочевка. Этот удовищный завал Саше предстояло разгрести летом, когда все или в отпусках, или в отпускном настроении. Но, что поделаешь? Не впервой. Саша любит свою работу. Сама не знает, почему. Может быть, просто потому, что это хоть как-то ее занимает.

Есть только одно «но»... Саша не любит ездить в юридскую прокуратуру.

На то у нее личные причины. А тут на тебе — вызвали в середине дня.

— Александра, ты знаешь, как я тебе доверяю, — Николай Иванович выглядел ни то рассерженным, ни то испуганным. — Ты зарекомендовала себя как хороший работник, ответственный и талантливый следователь...

Зам главного прокурора города нервно курсировал по кабинету, бесцельно дирижируя золотым паркером. За пару минут он умудрился три раза к ряду задеть расположенную здесь мебель и даже не заметил этого. С чего бы такая рассеянность?..

В какой-то момент Саше даже показалось, что Николая Ивановича — друга и однокурсника ее покойного отца — просто подменили. Всегда спокойный и рассудительный, сейчас он выглядел потерянным.

— Товарищ полковник, я... — Саше хотелось побыстрее выслушать все инструкции, принять на себя всю ответственность и закончить этот неловкий разговор.

— Саша, не перебивай меня, — буркнул Николай Иванович. — Скажу начистоту: я не хотел, чтобы этот выбор пал на тебя. Но по результатам прошлого года ты у нас лучшая в управлении. И к тому же у тебя есть дополнительная специализация по криминальной психологии и... Как ее, черт?! В общем, нужная здесь специализация. Так что, тебе придется...

— Я готова и жду ваших приказаний, — снова поспешила выпалить Саша. Ей было неловко за то смущение, которое почему-то испытывал Николай Иванович.

Он опекал Сашу с четырнадцати лет, когда ее родители погибли, а сама она переехала жить к бабушке. Опекал особенным образом. Ненаигранная строгость уживалась в нем с удивительной деликатностью. Ему всегда удавалось оказаться рядом в трудную для Саши минуту. Но его никогда не было «много». Его всегда было ровно столько, сколько нужно.

— Но у тебя молодая семья, — Николай Иванович стал буквально отговаривать — Я рассталась с Виктором, — сказала Саша. — Так что все нормально. Не из-за чего переживать. Поеду, проветрюсь. Даже к лучшему. Куда?

Сашу, и это было уже совсем на него непохоже. — Я бы не хотел, чтобы ты уезжала. Там, вероятно, придется задержаться — дело непростое, специалистов мало.

— Как рассталась? — не понял Николай Иванович.

— Да, Николай Иванович, рассталась, — подтвердила Саша.

— Но это же меняет дело! — Николай Иванович почему-то обрадовался. — Так... Подожди в приемной, мне надо позвонить.

В приемной было душно. Валентина Петровна — секретарь Николая Ивановича — куда-то

отлучилась. Саша подошла к окну и открыла форточку. В комнату ворвался свежий июньский ветер. И в эту же секунду дверь, ведущая в кабинет Николая Ивановича, тихонько скрипнула и приоткрылась. Незадача. Саша на цыпочках подошла к ней, взялась за ручку и потянула на себя.

— Я понимаю, что она соответствует всем требованиям, — донеслось из кабинета — Да. Но теперь не всем. Теперь она незамужняя. Нет, в таком деле может быть и не мелочь! Это очень важно в таком деле!

Саша растерялась. С кем это Николай Иванович обсуждает ее семейную жизнь? Саше было ужасно неловко подслушивать, но почему он говорит об этом с чужим человеком? И о какой командировке идет речь, если имеет значение этот факт ее биографии?!

— Слава, у меня плохие предчувствия, — голос Николая Ивановича дрогнул. — Я тебя просто прошу, по-дружески. Она же мне, как родная дочь. Ты знаешь. Давай найдем кого-нибудь еще. Право, на Сашке свет клином не сошелся! Больше никто не прошел? Как, нет?! Ерунда какая! Ну что значит «она прошла все инстанции»?! Можно подумать, много их было... Нет, Слава, я не верю, что ты не можешь повлиять... Черт! Да, Слав. Да, я переутомился. Да, я возьму отпуск. Поеду. Съезжу на море. Да. Ну а с ней-то как? Нет?.. Черт!

Николай Иванович выругался. Тишина. Саше на мгновение показалось, что она оглохла. Сердце в груди билось так, словно решался вопрос ее жизни и смерти. Кто-то неизвестный, со скрытыми намерениями, определял в это мгновение ее судьбу.

В коридоре раздались шаги. Саша кинулась к секретарскому столу и плюхнулась на стул для посетителей.

— А почему ты здесь? — прошептала Валентина Петровна и озабоченно посмотрела на приоткрытую дверь своего начальника.

Саша пожала плечами: мол, не знаю, чего-то там решают себе — пусть решают.

Валентина Петровна деловито подошла к двери Николая Ивановича, поняла, что тот говорит по телефону, аккуратно закрыла ее и села на свое место.

— Ну ничего, — с важным видом сказала Валентина Петровна, очень любившая Сашу. — Никуда они тебя не пошлют. Верь мне. Не бойся. И что за глупость в конце концов?! Я так Николаю Ивановичу и сказала: «Глупость они задумали. И нечего Сашу в это дело втравливать». Мало ли, что у тебя лучшие результаты по управлению?! Такие кадры беречь надо, а не в авантюры всякие втягивать!

— Валентина Петровна, а что за авантюра-то? — осведомилась Саша, стараясь выглядеть как можно более беззаботной.

— Авантюра? — Валентина Петровна вдруг поняла, что сболтнула лишнего. — Какая авантюра?..

— Ну, вы сейчас сказали про какую-то авантюру? — Саша качнула головой в сторону «прошлого». — Ну, только что?

— Нет, Сашенька. Ничего такого я тебе не говорила. Не путай меня, — Валентина Петровна сделала вид, что у нее вдруг срочно образовались какие-то необычайно важные дела. — Просто... В общем. Я сказала, что надо беречь кадры. И вообще, серьезно ко всему подходить.

Валентина Петровна с показной сосредоточенностью набивала свою докладную папку бумагами, запихивала дрожащей рукой карандаши в коробку, деловито перекидывала листочки на настольном календаре. Трудно было не понять, что она делает это без какой-либо цели, просто для отвода глаз.

Через секунду-другую пульт телефона сообщил Валентине Петровне, что Николай Иванович закончил разговор.

— Так, мне надо к нему! — прошептала она и схватила папку.

Валентина Петровна налетела на Николая Ивановича, когда тот выходил из кабинета —

понурий, спавший с лица, даже злой. Папка выпала у нее из рук, и бумаги, подхваченные возникшим в эту секунду сквозняком, словно белые листья, полетели по комнате.

Валентина Петровна смотрела на Николая Ивановича, не отводя глаз. С ужасом ожидая его ответа на свой, не прозвучавший вопрос. Казалось, она и не заметила, что рассыпала бумаги. И Николай Иванович, казалось, тоже этого не заметил.

— Валентина Петровна, оформляй, пожалуйста, приказ на Александру, — Николай Иванович говорил тихо, сдавленным голосом, словно только что посадил его на футбольном матче. — И все как положено... В таких случаях.

На мгновение Саше показалось, что Валентина Петровна едва сдерживает слезы.

— Все будет хорошо, — сказал Николай Иванович то ли успокаивая, то ли ободряя Валентину Петровну, Сашу и, главное, самого себя. — Все будет хорошо!

Валентина Петровна отошла к своему столу и уставилась в окно. Она сделала это намеренно, с единственной целью — чтобы никто не видел ее лица, ее слез.

— Несправедливо, — сказала она через секунду. — Если ты ничего не делаешь, то и живешь спокойно. А чуть вырвался вперед, чуть стал лучше других, так тебя сразу...

Саша вышла из приемной и почувствовала, как у нее леденеют руки. Прямо от лопаток — плечи, запястья, пальцы. Она вздрогнула. Ей навстречу шел Павел...

— Хорошо выглядишь! — сказал он и демонстративно смерил Сашу взглядом.

— Это комплимент или угроза? — тихо спросила Саша.

— А тебе как больше нравится?.. — зло улыбнулся Павел.

Саша ненавидела свои визиты в прокуратуру именно поэтому — она панически боялась встреч с Павлом. Раньше Саша и сама здесь работала, но из-за его постоянных преследований перевелась в другое учреждение. Павел шантажировал Сашу. Низко, подло, жестоко. Такой вот странный способ ухаживания.

Эта история с шантажом кому-то, наверное, покажется странной и глупой. Саша и сама так думала. Но каждое воспоминание, каждая деталь этой истории причиняли Саше нестерпимую боль. Даже сейчас, спустя почти пять лет, она продолжала мучиться, бояться и ненавидеть.

Тогда ей поручили одно дело. В нем были, кажется, все возможные составы преступления — грабеж, бандитские нападения, воровство, вымогательства, незаконное удержание людей, убийство. А она влюбилась в подследственного — в Сережу.

«Зовите меня — Серый. Мне так привычнее», — попросил он Сашу на первой же встрече. Замечательный, очень добрый мальчик девятнадцати лет. Он учился в техникуме. Родители спились, а ему нужны были деньги. Просто, чтобы жить. Вот он и связался с преступной группировкой. Банда контролировала один из вещевых рынков города. И в какой-то момент, по своей наивности, Серый оказался крайним. Его просто подставили.

Саша не понимала, как такое, в сущности, чистое, невинное существо могло быть причастным ко всему этому чудовищному инкриминированному ему списку злодеяний. Милый, приветливый юноша покорила ее своей непонятной, наивной, но очень точной, «сермяжной» правдой о жизни.

«Мир, — говорил Серый, — неправильно устроен. Все в нем как-то не так. Вот смотри — работают электроприборы. Кто это сделал? Это Максвелл, который открыл электромагнитное поле. Все благодаря ему. А кто его помнит? Никто. Все знают певичку какую-нибудь. Мадонну, например. А Максвелла не знают. Разве это правильно? Кто — Максвелл, а кто — Мадонна?! Ты подумай!»

И так на допросах он мог говорить часами — о Максвелле, о политиках, о Боге, о чем угодно. Просто, где-то очень забавно и даже по-детски, но в целом — «правильно», «по

справедливости», «как надо».

А главное, Саша видела в нем, в этом мальчике, сосредоточенно рассуждающем о мире, все, что так давно и так безуспешно искала в других мужчинах, — открытость, добродушие, бесстрашие, честность, внутреннюю прямоту, свободу.

Самой Саше жизнь казалась невообразимо сложной, заковыристой. С бесчисленным количеством нюансов, подтекстов, двойных смыслов. За каждым человеком в ее жизни была история с плюсами и минусами. Но все их ошибки могли быть оправданы, а любое геройство на поверку оказывалось небескорыстным. Поэтому, по сути, не было у них ни плюсов, ни минусов.

«Вся жизнь с подвохом, — думала о себе Саша. — Ни тебе черного, ни тебе белого, ни правильного, ни неправильного, все так — серединка на половинку. Серость...» И от этого на сердце у нее было невыносимо гадко — мучительно, тоскливо, душно.

А Серый не был «серым». Конечно, он не изменил Сашиного взгляда на жизнь. Просто не смог бы. Но этими своими незамысловатыми истинами и, главное, своей уверенностью в них он позволил ей думать, что такой мир — мир, где все понятно, все честно, все просто, есть. В принципе есть. И пусть его нет у Саши, зато он есть у Серого. Саша смотрела на него и любовалась. Сначала только миром, а потом и самим Серым.

Однажды, заканчивая допрос и уже прощаясь с Серым, она встала, подошла к нему, сидящему на табурете, и обняла за голову. Бритая, теплая, с едва уловимым запахом осеннего леса. Это движение произошло словно бы само собой, ненарочно, вырвалось...

Серый встал, обнял ее и поцеловал в губы.

Саша была в ужасе. Она не знала, как ей поступить и что делать. Любила ли она его по-настоящему? Что он для нее значил? Как она представляла себе их будущее? Саша даже под дулом пистолета не смогла бы ответить на эти вопросы. Она не знала. Просто в какой-то момент она поняла, что хочет сбросить его, дать ему другую жизнь.

А Серому, казалось, было на все наплевать — на свою жизнь, на будущее и даже на нее, на Сашу. Он словно и не понимал, что находится под следствием, что ему грозит больше двадцати лет тюрьмы. Ему словно бы и невдомек было, что Саша — его следователь, что она совершает должностное преступление. Он просто жил...

В конце концов она приняла для себя решение: за то, в чем Серый, действительно, виноват — пусть отвечает, а в остальном — она выступит как его адвокат. Так и сделала. Правда, это было непросто. Улик против него набралось больше некуда, а свидетелей, благодаря активной работе Серезиных поделщиков, объявилось несметное количество.

Но сдать свою «команду» Серый отказался наотрез, как Саша ни просила. «Потому что это неправильно». В то, что его подставили, он не верил. Потому что «людей нельзя обвинять, если не знаешь точно».

Так что Саша сама пошла на преступление — уничтожила улики, которые свидетельствовали против Серого по тем пунктам обвинения, где его вины, как ей казалось, не было.

Саша испробовала все пути, чтобы уберечь Серого. И уже в самом конце, перед тем как передавать дело в суд, санкционировала психиатрическую экспертизу. Мало ли что найдут, и можно будет на это сослаться. Смягчающие обстоятельства никогда не помешают. Она рассчитывала на случайность. Даже не рассчитывала. Просто делала все, что можно и что нельзя.

Она была как в бреду — между отчаянием и отчаянием. Она ненавидела себя. Она ненавидела себя за то, что не может жить без его губ, без его рук, без его запаха. Она ненавидела себя за то, что не может ничего изменить. Она ненавидела себя за то, что пытается менять. Она

не хотела жить. И она хотела, чтобы он был ее жизнью.

Когда она читала результаты психиатрической экспертизы, ей стало дурно. Буквально. Физически, У нее кружилась голова, тряслись руки. Сердце то останавливалось вдруг, то начинало биться с невероятной силой. Пересохло во рту. Диагноз был прост и лаконичен: «Дебильность умеренной степени выраженностиI».

Она пыталась читать текст врачебного заключения, но не смогла. Страница за страницей психиатр описывал ей ее Серого, ссылаясь па многочисленные психологические исследования и тесты:

«Слабость абстрактного мышления», «преобладание конкретных ассоциаций», «словесное заимствование и примитивность суждений», «компенсирован за счет механической памяти и подражательного поведения», «бедная эмоционально-волевая сфера», «недостаточная обдуманность поступков», «повышенная внушаемость». И наконец, как приговор, индекс интеллекта, IQ — 58. При минимально необходимых восьмидесяти.

Безжалостно. Она хотела покончить с собой, но не смогла.

Саша считала своего Серого необычным, и он-таки был необычным — он страдал умственной отсталостью. Да, наверно, Саша не поверила бы врачам, решила бы, что они ошиблись. Но она знала каждый тест, она сама была специалистом в этой области. А для специалиста перечисленные характеристики звучат однозначно — это симптомы дебильности.

Как она могла всего этого не заметить?.. Это же так очевидно! Теперь все встало на свои места. Да, мир Серого был прост и понятен. Он с легкостью отличал добро от зла. Он был тверд и прямолинеен. Он не беспокоился о будущем и ничего не боялся. Дебильность умеренной степени выраженности...

Странная штука любовь. Она действительно похожа на солнце. Она ослепляет. Она выжигает глаза.

Она вызвала Серого на последний допрос. Его ввели в ее кабинет, он дождался, пока охранник выйдет, обнял Сашу и принялся ее целовать. А она вся словно одеревенела — ни чувств, ни боли, ни единой мысли.

«Ты веришь в Бога?» — спросил он вдруг.

«Верю ли я в Бога? — механически переспросила Саша и через секунду так же механически ответила: — Да».

Серый разочарованно сел на табурет напротив ее стола.

«Саша, это неправильно. Если тебе плохо, тебе Бог нужен. Так?» — он уставился на нее своими большими, серыми, немигающими глазами.

«Так», — еле выговорила Саша, впервые понимая, что в этих, таких любимых, глазах ничего нет, пустота.

«А если у тебя все хорошо, — Серый улыбнулся. — Если у тебя все, что тебе надо. Тебе нужен Бог? Нет, не нужен. Так?»

«Так», — шепнули ее губы.

Она смотрела на его улыбку — бесчувственную, глупо хихикающую, пустую.

«Ну вот, видишь, — обрадовался Серый. — Значит, Его нет».

Серому дали семь лет колонии особо строго режима. Удивительно маленький срок, если учесть, что он совершил и в чем участвовал. То, что он дебил, позволило существенно скостить срок.

На процессе прокурор заявила, что, согласно данным судебно-психиатрической экспертизы, обвиняемый на момент совершения преступлений был вменяем. Однако попросила суд принять во внимание тот факт, что выявленная экспертизой умственная отсталость обвиняемого не

позволила ему адекватно оценивать последствия своих действий. Суд принял этот факт во внимание.

Через день после суда к Саше зашел тот самый Павел, который сейчас стоял перед ней. Зашел «на разговор». Он сказал, что все знает о ее романе с подследственным и может подтвердить это документально, что у него на руках все доказательства ее служебных преступлений, включая уничтожение улик, и... что он хочет с ней встретаться.

Саша могла не согласиться. В противном случае ей гарантировалось судебное преследование и возврат дела Сергея на доследование — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Саша согласилась. Мертвому все равно с кем встречаться.

Павел давно пытался привлечь внимание Саши к своей персоне, но до этого момента у него не было никаких шансов. Он относился к тем красивым мужчинам, чья красота неприятна. В нем все было правильно — от фирмы носа до телесных пропорций, но в этой своей «правильности» он был мерзок.

Павел клялся Саше в любви, точнее — в «любви-ненависти». Он утверждал, что она пробуждала в нем садомазохистские наклонности. Она одна. Конечно, Саша в это не верила. Ей было очевидно, что Павел просто стыдится своего извращения и ищет ему оправдание. Естественное желание насильника — выглядеть жертвой в глазах жертвы. Павел настаивал, что во всех его бедах виновата Саша и требовал от нее сочувствия, а в качестве «искупления» — активного участия в его оргиях.

Страшный сон. Почти полгода. Буффонада страшного сна. Павел извращался всеми возможными способами, постоянно придумывал какие-то новые фокусы. А Саша лишь выполняла его инструкции — тупо, даже не понимая, что именно она делает.

Она была, как механическая кукла — совершенно мертвая. Правда, у этой куклы было одно воспоминание. Кукла помнила чувство, словно из другой жизни... Она обнимает голову ребенка — бритую, теплую, с едва уловимым запахом осеннего леса.

Ситуация разрешилась неожиданно. Серого ни то убили в тюрьме, ни то он действительно, как значилось в документах, заболел воспалением легких и умер. Саша узнала об этом совершенно случайно — увидела во внутренней сводке. Она смотрела на эту запись и чувствовала, что умер ребенок. У нее умер ребенок.

Возникший было порыв найти, разыскать, поднять материалы, выяснить подробности и истинные причины прошел так же внезапно, как и появился. Вместо этого Саша просто написала рапорт. Пошла, написала и сдала в канцелярию. Ее перевели на другое место работы.

Теперь у Павла не было никаких шансов, ни на что. Его жалкие попытки вернуть Сашу, его угрозы и истерики успехом не увенчались.

Лишь изредка они сталкиваются теперь в городской прокуратуре, в которой Саша именно по этой причине очень не любит появляться.

— Ты спрашиваешь, что мне больше нравится? — Саша посмотрела Павлу в глаза. — Мне, да? Я не ослышалась?

— Да, — Павел испугался ее взгляда. Саша улыбнулась:

— Мне нравится думать, что ты, Паша, несчастен. Очень. По крайней мере, больше меня. Потому что я уже ничего не чувствую, совсем. А ты — чувствуешь. Что-то очень странное, но чувствуешь. И знаешь, я думаю, есть в этом мире какая-то справедливость. Если Бог тебя обделяет, он от тебя и не требует ничего. А если дает, то и взыскивает. Чувствовать, Паша, — дар, но это — и крест. Твой. А со своего я уже сошла.

Саша вышла на улицу и заплакала — без причины, прости так. От слабости. Нужно возвращаться в управление, а силы куда-то подевались. Слоено их украл кто-то. Обычно Саша старается не вспоминать ни о Сереже, ни о Павле. Чтобы меньше презирать себя и не так чувствовать бессмысленность своего существования. Тогда, во время последней встречи с глазу на глаз, Сережа сказал ей: «Если тебе плохо, тебе Бог нужен». Он был неправ. Сейчас ей плохо, а Бог ей не нужен. Чем Он сможет ей помочь? Сотворит чудо? Какое?.. Это просто смешно! Чудом для нее может стать только ужас, больший, нежели она пережила прежде. Нет, Саше больше не нужны чудеса. Не надо. Спасибо.

Или, может быть. Он простит ее за грехи? Но она не чувствует себя грешницей. Она вообще ничего не чувствует, она просто продолжает жить. Зачем-то...

Прочитав бумагу, Саша растерянно уставилась на секретаря начальника управления:

— Катя, а что это за учреждение — ПСТ 87/6? Я что-то не припомню... Не глянешь в базе данных? Это ведь ты мое командировочное удостоверение оформляла.

— Не оформляла я тебе никакого командировочного, — огрызнулась Катя. — Все по этой командировке сверху спущено. Сейчас гляну в базе.

Ее пальцы застучали по клавиатуре компьютера.

— Какой ты говоришь номер? — через пару минут переспросила Катя. — ПСТ 87/6?

Саша еще раз перепроверила номер:

— Да. ПСТ 87/6.

— Нет такого номера.

— Как, нет? — Саша даже разозлилась.

— Ну нет, — недовольно крякнула Катя и развернула монитор к Саше. — Вот, смотри сама!

Действительно, такого учреждения в полном списке подразделений ГУИН не значилось.

— Как же так? — Саша пошла по коридору в направлении своего отдела. — Ничего не понимаю... Ошибка?.. И что мне делать теперь?

— А в пакете ничего на этот счет не было? — крикнула ей вдогонку Катя.

— В пакете? — обернулась Саша. — В каком пакете?

— Ну, был же пакет. Его еще спецкурьер доставил — старшой лейтенантик. Симпатичный такой...

— Не знаю я ни про какой пакет, — пожалала плечами Саша. — И с каких это пор у нас старшие лейтенанты в курьерах ходят?

— Вот такие, значит, бывают пакеты! — важно сказала Катя и подбоченилась, не вставая с кресла.

— Чемодан с красной кнопкой подполковник носит. Вот и считай по убыванию важности — майор, капитан и старшой лейтенант. Причем, заметь, симпатичный!

— Все ты шутишь, Катя, — грустно улыбнулась Саша. — А я стою тут, как дура, и не знаю, что мне делать.

— А ты не стой. Иди к себе, сядь на свое место и не дергайся. Им надо, пусть они тебя и ищут, — успокоила ее Катя.

План показался Саше удачным, по отношению к разряду невыполнимых — посидеть не удалось. На рабочем столе ее уже ждал авиабилет.

— Сибири — привет — гаркнул из-за спины майор Лыков.

Саша даже вздрогнула от неожиданности и напряжения. Она недоуменно обвела глазами сотрудников своего отдела:

— Послушайте, хоть кто-нибудь может мне объяснить, что происходит?

— А чего объяснять? — развел руками любимец местных барышень капитан Гришечкин. — Другому ведомству тебя передают — может, разведке, может, ФСБ или ФАПСИ. Сейчас будут с тобой играть. Тайны, секреты и прочие панты — тень на плетень. Не тушуйся. Когда-нибудь мы будем тобой гордиться! Может быть...

— Без меня не могли обойтись... — пробурчала Саша себе под нос и начала собираться.

— Ты же у нас победительница соцсоревнования! — съязвил Лыков. — Пионер — всем ребятам пример!

— Не обращай на них внимания, Сашенька, — доброжелательно протянула Надежда Николаевна — старейший сотрудник управления. — Они тебе просто завидуют. Но никогда в этом не признаются. Потому что, если они признаются, это будет означать, что ты молодец, а они проиграли тебе — женщине.

— Я не обижаюсь, — сказала Саша.

— Вот и правильно, — ободрила ее Надежда Николаевна. — Мужчины думают, что для успеха в жизни достаточно гонора. А для успеха в жизни нужно что-то еще.

— И что же, Надежда Николаевна? — улыбнулся Гришечкин. — Раскройте нам секрет!

— Нужна внутренняя сила, — ответила Надежда Николаевна.

После этих слов она поднялась из-за стола, подошла к Саше, посмотрела ей в глаза — внимательно, словно пыталась проникнуть в самую душу. Потом едва заметно качнула головой, обняла и поцеловала:

— А у тебя, Сашенька, она есть. И ты должна быть сильной...

Саша сначала удивилась. Ей показалось странным, почему эта женщина, которую она почти не знает, вдруг проявила к ней такую доброту и такое участие в ее судьбе. А главное — в связи с чем? Ну едет Саша в командировку. Что с того?..

Надежда Николаевна словно поняла, о чем задумалась Саша.

— Сон я сегодня видела и тебя в нем, — объяснила она. — Будто поднимаешься ты по огромной винтовой лестнице в старинном средневековом замке. А она под твоими ногами как бы выворачивается наизнанку. И оказывается, что ты не вверх идешь, а вниз, в самую пропасть.

И чувство, словно лестница эта теперь уже и не в замке, а где-то совсем в другом мире. И ведет не вниз, а в ледяную бездну, в Ад. Тут ты поворачиваешься и снова пытаешься идти вверх, карабкаешься, и снова — то же. Лестница выворачивается. Путь вверх оказывается путем вниз. Раз за разом...

Саша оторопела и с ужасом смотрела на Надежду Николаевну. Она не верила своим ушам. Именно этот сон, точь-в-точь, преследовал Сашу на протяжении всего последнего года! Внешне ничем не примечательный, он вызывал у Саши ощущение нестерпимой муки, а после, уже утром, — ноющей, ломящей грудь тоски.

И даже сейчас при одном воспоминании об этом сне у Саши заныло сердце. Слово под ложечкой поселился какой-то червь, высасывающий у нее кровь и желание жить. Почти полгода Саша мучилась бессонницей, принимала транквилизаторы. Она боялась уснуть, боялась, что во сне ей снова привидится эта лестница.

— И что это значит, ясновидящая вы наша? — съехидничал Гришечкин, играя дыроколом.

Тяжелые удары этой нехитрой офисной техники отдавались в ушах Саши, словно эхо ее собственных шагов на той ужасной средневековой лестнице.

— Что это значит, Сашенька, я не знаю, — продолжала Надежда Николаевна, обращаясь только к Саше, к ней одной, словно во всей этой комнате и не было больше никого. — Знаю только, что если идешь во сне вверх по лестнице, то это к большому счастью, а если вниз, то к великой беде. А что такой сон значит, этого я не знаю...

— Александра, а вы же у нас дипломированный психоаналитик! — воскликнул Лыков и

плюхнулся задом на Сашин стол. — Вот вы нам и расшифруйте этот сон! Зачем бедную женщину загружать? Тем более, она и не специалист. Наверное, что-то эротическое...

— Не обращай на них внимания, милая, — улыбнулась Надежда Николаевна. — Не обращай. Я хотела предупредить тебя, не напугать. О чем бы я сон ни видела, он — вещий. Это проверено. К чему мой сон — твоя жизнь расскажет.

Но я знаю, Сашенька, одну вещь. Послушай меня: и ужас дурного сна может обернуться благом, если человек не потеряет себя перед лицом собственного страха и сохранит присутствие духа, когда поймет, что спасения больше нет.

Поэтому дерись, милая. И что бы ни случилось, не сдавайся. У тебя все получится! А тяжело будет. Очень.

Саша собралась, попрощалась с коллегами, вышла на улицу и села в свою девятку. Она привыкла не обращать внимания на едкие замечания коллег-мужчин. Но сегодня Лыков, сам того не ведая, попал в самую точку...

Глупо, но Саша и сама так думала про свой сон. Не просто «что-то», а вообще все в нем было «эротическое»! Если верить Зигмунду Фрейду, лестница, явившаяся женщине во сне, символизирует сексуальность (тем более винтовая, напоминающая собой фаллос). Впрочем, и слова Надежды Николаевны не слишком расходились по смыслу с психоаналитическим толкованием.

Женщина, идущая вверх по лестнице, согласно Фрейду, приближается к высшему наслаждению — полному чувственному единению с мужчиной. Если же она идет вниз по лестнице — это, напротив, символизирует ее отказ от страсти. Фрейд связывал это с комплексом кастрации, а проще говоря — с завистью женщин к мужскому половому члену.

Правда, теперь Саша не особенно доверяла Фрейду. Было время, когда она, как и все, им зачитывалась. Но потом разочаровалась. Интеллект бессильный совладать с желанием, начинает играть словами. Он защищается, выстраивая крепостные стены из слов. Но страсть, если она приходит, смывает эти «халупы» одним движеньем, словно их и не было вовсе. Страсть смеется над интеллектом. Кто усомнится в ее власти — падет первым.

Страсть — это клинок, который двое тянут в разные стороны. Один держит за рукоять, другой — хватается за острие. Первый противостоит напору, а второй — ранит душу. Проклятье любви в этой безысходности. И ведь это извечная дилемма — твое желание вызывает лишь тот, кто не питает к тебе ни малейшего интереса. Ты сам интересен только тем, кто не вызывает у тебя никакого желания. Есть ли выход?..

«Есть, — отвечает Фрейд. — Приходите к психоаналитику, и вам станет легче».

Станет ли? Вряд ли. Но Саша пошла — к одному из своих университетских преподавателей, который подрабатывал частной практикой. «Бомбил» — на шоферском жаргоне.

Ее душа тогда разрывалась. Ей около двадцати, первая любовь закончилась — глупо, жестоко и пошло. В общем, как ей и положено. Саша чувствовала себя униженной, грязной и от этого даже виноватой. А еще она думала, что жизнь закончилась, что больше ничего не будет. Молодость...

Наверно, в тот момент Саше было бы достаточно просто выговориться, рассказать о себе, о своей боли, о своем отчаянии. В такие моменты нужно, чтобы кто-то тебя услышал и поддержал, увидел в тебе человека и не оттолкнул. Но...

— Расскажите о своих родителях? — сказал последователь Фрейда, когда Саша легла к нему на психоаналитическую кушетку.

— Я плохо их помню, — ответила Саша, едва сдерживая слезы. — Мне еще не было и восьми лет, когда они умерли. Их убили...

— Так, хорошо, — психоаналитик потер козырную бородку. — А кто вас воспитывал?

— Сначала дядя, его семья. А потом бабушка...

— А почему вас отдали бабушке? — настойчиво поинтересовался психоаналитик и скосил глаза к переносице.

— Потому что мой дядя... — слезы сдавили Саше горло.

— Потому что ваш дядя — что?.. — психоаналитик буквально навис над Сашей.

— Потому что мой дядя... Мой дядя... Он был пьян... Он...

— Ну?! Говорите же! Он изнасиловал вас?! Саша разревелась в голос.

— Ну, и чего вы теперь от меня хотите? — протянул врачеватель душ человеческих, самодовольно откинувшись на спинку своего кресла. — У вас все из-за этого детского...

Саша вскочила и бросилась вон из кабинета.

— Куда же вы?! Зачем так реагировать?.. — услышала она вслед.

Желание рождается, чтобы умереть. Но до этой точки у него два пути, его ждут две разные смерти. Оно может умереть, исполнившись. Тогда его священный конец лежит на пике блаженства и в венце собственной славы. Но оно может умереть и иначе — просто задохнуться, не дождавшись чуда своего исполнения.

Психоаналитик — плакальщик на похоронах желания, удушенного невозможностью умереть, исполнив свою миссию, желания, спертого пустотой. Он причитает о желании, которое не смогло умереть счастливо. Он обещает жизнь вечную тому, кто, мучаясь болью, не хотел жить и отмеренный ему срок.

Старик Фрейд, надо отдать ему должное, понял, что для человека проблема желания всегда будет актуальной. Обязательно. Именно благодаря своей неразрешимости. Но на Саше он погорел. В какой-то момент она просто умерла, умерла внутри, душой. И все — проблема решилась сама собой.

Саша стала жить рассудком — спокойно, размеренно. Ее жизнь превратилась в череду формальностей. Она ходит на работу, зарабатывает деньги и очки. Еще она получает образование, знания, навыки. Это и для карьеры хорошо, и для самооценки полезно. Еще смоталась замуж. Без особого энтузиазма. Просто для полноты картинки.

Впрочем, занятия психологией она не оставила. Зачем? Если делать карьеру, нужно чем-то отличаться от остальных. И она отличается — у нее есть психологическое образование, которое она получала параллельно с юридическим, дополнительная специализация в области судебной экспертизы и сексопатологии. Она — молодец! Ей так все начальники говорят. И этого достаточно. Больше не всегда лучше.

Но около полугода назад прочное здание, выстроенное Сашей, спрятавшее ее душу, дало трещину. Она пошла на курсы усовершенствования по клинической психологии. Пошла просто так, без особой цели или надежды — по разрядке, ни на что не рассчитывая. А вышло все иначе.

Откровением стала встреча с настоящим *Учителем*. Это был Учитель с большой буквы. На своих семинарах он рассказывал не о психологии человека, а о самом *человеке*.

«Наука „психология“ изучает покойника, — полуслуштал Сашин учитель. — Человека нельзя разять на части. Любая вивисекция убьет его, а мертвым человек не бывает. Вы можете пощупать чувства? Измерить их? Дать им оценку? Или проникнуть в душу и не навредить? Можете?.. И наука сдается, когда мы ставим перед ней такие задачи. Не сдается только сердце».

И после этих слов он всегда добавлял: «Если, конечно, вы верите, что оно у вас все еще есть».

Саша удивлялась этому странному сравнительно молодому еще человеку. Уважение к

Индивидуальности собеседника, к его мнению, интересам, позиции, казалось, шло впереди него. Душа ее Учителя была не внутри. Он не прятал ее, а носил в ладонях. На вытянутых руках...

То, как он общался, было сродни священнодействию. Просто и честно — только о главном, только искренне. То, как он думал, как мыслил, — завораживало и пленяло воображение. А когда он что-то рассказывал, казалось, смеющиеся ангелы веселой гурьбой бегут босыми ногами по душе. Им хотелось любоваться,

Саша испытала потрясение. У нее снова появился интерес к психологии, к его психологии. Ей снова захотелось жить, дышать, чувствовать, хотеть...

Как вдруг, словно гром среди ясного, безоблачного неба, прозвучали его слова: «Саша, вы еще не пережили того, что открыло бы вам истину о себе».

Они, словно лезвие, рассекли Сашино сердце на две половины. В одном оставалась странная, непонятная, невнятная и неизъяснимая любовь к этому человеку. Любовь-признательность. Любовь-восхищение. А в другой — отчаяние. Отчаяние из-за непонимания. Он не понял ее. Как он мог такое сказать?! О ней?! Она — и не пережила?!

Его слова показались Саше странными, нечестными и даже жестокими. Ее словно окатило холодной водой.

«Что-то ты ранехонько сегодня ... — услышала Саша, выходя из машины.

— Вот, Марья Ивановна, в командировку меня отправляют, — пожаловалась Саша старушке, что вечно сидит у ее подъезда и знает все обо всех и обо всем.

— А куда едешь? — поинтересовалась Марья Ивановна.

«Вот ведь разведчица! — улыбнулась про себя Саша. — Чувствуется закалка...»

— Далеко еду, Марья Ивановна, в Сибирь. Но куда точно, и сама не знаю.

— А никто не знает, — ответила женщина, поправила платок и провела рукой по морщинистому лицу.

— В каком смысле? — не поняла Саша.

— Все куда-то едут, а куда — никто не знает.

«Странная... Это, наверное, старческое», — подумала Саша и ничего не сказала.

— Нам пути предписаны, дочка, — услышала Саша, открывая дверь подъезда. — Кто думает, что выбирает, сам себя путает.

Саша обернулась и посмотрела на Марью Ивановну. А та, глядя в небо выцветшими, почти белесыми глазами, продолжала нашептывать:

— Неисповедимы пути Господни, и карты на них не придумано. Ты, знай, иди себе и иди. Если идешь, значит, так оно и надо. Только не сомневайся. В сомнении — страх, я в страхе — смерть.

Саша пожалала плечами, еще несколько секунд простояла в нерешительности у открытой двери подъезда. Потом вспомнила, что до завтрашнего отлета еще уйма дел, мысленно обругала себя за нерасторопность и побежала вверх по лестнице.

Но войдя в квартиру, Саша ощутила вдруг какую-то тяжесть внутри. Отчетливо, внезапно. Эта тяжесть возникла ниоткуда, просто появилась, и все.

Саше запали в душу эти слова: «Ты, знай, иди себе и иди. Если идешь, значит, так оно и надо. Только не сомневайся».

«А куда я иду? — спросила себя Саша. — Куда?»

Осознание отсутствия той «карты», о которой только что вскользь, словно бы случайно, сказала Марья Ивановна, напугало Сашу. Она машинально вошла в ванную, чтобы сполоснуть руки, и увидела в зеркале свое лицо. Да, именно *лицо*.

Обычно, когда человек смотрит на свое отражение в зеркале, он замечает кожу, если

разглядывает морщинки, глаза — если собирается умыться, зубы — перед тем как их почистить. Он видит губы, щеки, нос, брови, ресницы... Но он почти никогда не видит в зеркале своего *лица*.

Когда вы встречаете человека, вы, напротив, смотрите именно на его лицо. Вам интересен его образ. Только убедившись в том, что это образ вам симпатичен или, напротив, неприятен, вы приглядываетесь к деталям — к глазам, губам, носу. Вы словно бы пытаетесь подтвердить, удостовериться в своем первом впечатлении.

Лицо человека передает вам информацию о нем, о его состоянии, эмоциях, внутреннем облике. Нос, сам по себе, об этом не расскажет, да и от губ ответа на этот вопрос не дождешься. Даже глаза, взятые и рассмотренные отдельно, словно вырезанные из фотографии, умирают. Их блеск и их сила теряются. Без лица в них нет и души.

Именно поэтому мертвы лица фотороботов, которые собираются по частям. Лицо человека нельзя восстановить по деталям. Потому что лицо — это больше, чем стандартный набор элементов. «Палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек» — это фантом, это не человек. У человека должно быть *лицо*.

И что же увидела Саша, когда вот так, внезапно столкнулась со своим лицом? Кого увидела Саша в зеркале? Может быть, уставшую, стареющую женщину? Или испуганную, растерянную девочку? Или одинокое, отчаявшееся существо? Неизвестно. Она и сама не знала этого, не могла понять, сформулировать.

Еехватило только на то, чтобы расплакаться.

Увидев кого-то по ту сторону зеркальной поверхности, она не узнала в этом «ком-то» себя. Она вздрогнула, как, бывает, вздрагивает маленький ребенок, еще не знающий, как устроено зеркало. Она увидела покойницу. Она увидела свою смерть.

«Только не сомневайся. В сомнении — страх, а в страхе — смерть».

Сашу встречали прямо у трапа самолета. На поле аэродрома стоял зеленый забрызганный грязью уазик. Немногословный прапорщик попросил у Саши документы.

И убедившись в том, что она — это действительно она, принял у нее вещи и предложил есть о машину. Дорога была долгой. Солдат вел машину, прапорщик сидел на переднем пассажирском сидении и скупо отвечал на Сашины вопросы. Она хотела узнать, куда они едут? Почему номера этого учреждения нет в базе? Какому ведомству оно подчинено? От чего такая срочность — что-тостряслось? «Я не уполномочен». — в этих трех словах, по большому счету, уместилось бы все, что сказал ей за время поездки сопровождающий.

Саша смотрела в окно. Мимо нее пробежали то поселковые, то деревенские пейзажи, а то и просто лес — вековой, раскинувшийся на покатых холмах. Саша уже и забыла, что такое бывает, что улицы и многоэтажки — это еще не все.

Глядя на эти бескрайние просторы, укутанные голубым небом, на величественные ландшафты, Саша, наконец, расслабилась. Когда это было последний раз?! И не вспомнить. Ее веки отяжелели, она подогнула ноги, замоталась в плащ и задремала.

— Приехали. Выходите! — скомандовал прапорщик. — Вас уже ждут.

Саша открыла глаза и посмотрела в окно. Впереди административное здание, справа плац, чуть дальше высокая ограда с решеткой. Какая-то зона... ПСТ 87/6. А дальше, за холмами, — тонкая линия багряного зарева. Солнце опустилось за горизонт, оставив после себя окровавленные облака.

— Послушайте, а меня, может быть, сначала разместят? — осведомилась Саша, выйдя из машины и оглядевшись. — Я бы хотела привести себя в порядок с дороги. Да и поздно уже — девятый час. Неужели кто-то еще на работе?

— Сказано доставить в любое время, — отрапортовал прапорщик и указал направление движения.

«Видимо, они хотят мне документы передать. Чтобы я успела с ними ознакомиться до завтрашнего утра, — сообщила Саша. — А завтра все решится, и я уже поеду обратно».

Следуя за своим провожатым, Саша вошла в здание. У нее снова проверили документы — все, включая командировочное удостоверение. И это странно, потому что уж на какую-какую, а на эту бумажку никогда никто не смотрит.

Обычно сам командированный беспокоится о ее оформлении.

Дежурный офицер долго сличал Сашину фотографию с оригиналом, изучал печати и штампы, задал несколько странных вопросов. Под конец Сашу попросили предъявить к досмотру вещи. А под конец всего была вызвана дама, которая в отдельном помещении осмотрела саму Сашу!

«Господи, что это за место такое?!» — не понимала Саша.

Ее вызвали для оказания помощи, как ценного специалиста. Но вместо уважительного и благодарного приема, ее обыскивают! Причем по полной форме! Да, с каждой минутой Саше все меньше и меньше хотелось задерживаться в этом забытом богом месте.

Обычно люди, служащие в таких — удаленных от центра — подразделениях, голодны до общения. Друг о друге они все знают. Любая внутренняя новость проглатывается молниеносно. Поэтому им всегда интересно встретить нового человека. Расспросить его о том о сем, как дела, что творится в мире, просто поговорить. Но здесь, казалось, все было наоборот.

«Бред какой-то! — подумала Саша. — Поскорее бы это все закончилось...»

Наконец, Сашу провели внутрь. Но она не переставала удивляться. Такое количество закрывающихся по всей форме дверей можно встретить только в образцовых СИЗО. Ну в крайнем случае в самой тюрьме. Но уж никак не в административном здании! А дежурные по каждому коридору?! А камеры видеонаблюдения во всех углах?!

«Они тут что, в условиях боевых действий живут?» — недоумевала Саша.

— Василий Васильевич, разрешите? — дежурный офицер просунул голову в кабинет начальника тюрьмы.

— Чего тебе? — ответил ему раздраженный мужской голос.

— Прибыло ожидаемое лицо, — доложил офицер.

«Боже мой! Это надо же — „ожидаемое лицо“! У меня что, фамилии нет? Или звания в конце концов?!» — Саша почувствовала, как накопившееся раздражение заклокотало у нее внутри.

— Так пусть войдет, черт возьми! — гаркнул мужчина.

— Есть! — выпалил дежурный офицер и пропустил Сашу в кабинет. — Проходите.

В длинном кабинете начальника тюрьмы, похожем на гроб, был сумрачно. Стол у дальней стены был абсолютно пуст. Только лампа — тусклая, с зеленым абажуром. На стене — чей-то портрет. Но чей, не разобрать. Справа и слева, вдоль стен, тянулись два длинных ряда стульев. Спартанские условия.

— Это вы что ли?! — грузный, похожий на бурого медведя, мужчина, одетый по-домашнему — в свитере и штанах, встал из-за стола и уставился на Сашу с нескрываемым презрением. — Они что там в конец сдурели?! Ребенка мне высылают!

— Простите?.. — Саша прокашлялась и понизила тембр голоса. — Это вы мне?!

— А вы не кашляйте, не кашляйте! — продолжал Василий Васильевич. — Детский сад! Это они детей теперь спецагентами называют?!

— Что вы себе позволяете?.. — коли так, Саша решила защищаться. — Вы понимаете, что вы говорите?

Василий Васильевич тем временем подошел к Саше и оглядел ее со всех сторон, как фарфоровую куклу. На вид ему было лет пятьдесят пять — шестьдесят.

— Я что думаю, то и говорю, деточка! И сейчас я думаю, что начальник здесь я. И я просто не допущу вас к работе! Пусть вас хоть от Господа Бога спускают! Через мой труп!

Саша потеряла дар речи. Что ей делать?

— Вы может быть думаете, что я сама в эту командировку напросилась? — сказала она через секунду. — Мне приказали. А я приказы выполняю.

— А я отменю этот приказ, черт бы меня побрал! — Василий Васильевич сел на стул. — Они что себе думают?! Совсем охренели! Так, как вас там?.. Хотя ладно, не имеет значения. У вас теперь новый приказ: кругом, шаго-о-ом марш! Слышите меня?! Давайте, проваливайте...

Саша почувствовала, как ее ноги сами собой разворачиваются «крутом». Но не по команде, а от обиды, от бессилия, от того, что она не может больше терпеть это унижение.

«Считаем до десяти. Раз, два, три... — Саша стояла на месте, как вкопанная. — Нужно взять себя в руки».

И снова закашлялась.

— Вы еще здесь? — якобы «спросил» начальник тюрьмы.

— Я... — начала Саша.

— А мне кажется, что это как раз то, что нам нужно, Василий Васильевич, — раздалось откуда-то сбоку.

От испуга Саша развернулась на этот голос всем телом. В самом темном углу комнаты, слева от двери, произошло какое-то движение. Все это время там, оказывается, сидел мужчина и слушал этот унижительный для Саши разговор.

Судя по голосу, ему было лет сорок, может быть, чуть меньше. Он показался из своего угла, подобно тени. Одет в серый костюм, рыжеватый, небольшого роста, худощавый, верткий, подвижный, как шарнир.

Его маленькие, блеснувшие во тьме, вороватые глазки смерили Сашу с живым интересом падальщика.

— То, что нужно, — повторил мужчина.

— Юрий Анатольевич, я пошел, — сказал Василий Васильевич, побагровел и вышел из кабинета, словно ему вдруг стало дурно.

Саша проводила его недоуменным взглядом. В эту минуту на ее глазах разыгралась целая сцена. С множеством подтекстов и какой-то скрытой пружины внутри. Что это за странное существо в сером костюме, способное одним своим появлением прогнать медведя, начальствующего в берлоге? И какая роль во всем этом отведена Саше?..

— Он просто старый зануда, — примирительно сообщил Юрий Анатольевич. — Ничего не поделаешь, приходится работать со «старым фондом».

«Кажется, я все поняла, — подумала Саша. — С этим нужно держать ухо востро».

Бессильная злоба Василия Васильевича выдала в нем «английскую королеву»: он царствует в своей тюрьме, но не правит. Что бы он ни думал, он не может противиться этому невзрачному зверьку с мышинными глазами. У этого зверька на него есть какая-то управа — серьезная, страшная.

— Вы бы не могли мне объяснить мою задачу? Я до сих пор не получила никакой внятной информации о том, где я нахожусь и для какой цели...

— В сущности, все это не должно вас интересовать... — «серый» попытался уйти от ответа.

— Но я бы хотела это знать, — Саша смотрела на него, не моргая.

Официальная версия, предложенная Саше, выглядела следующим образом. Это

действительно тюрьма, и действительно засекреченная. Здесь сидят не по приговору суда, а по некому «решению». Все постояльцы этой зоны — лица, которые по тем или иным причинам не могут быть официально осуждены.

В такой тюрьме может оказаться человек, чье преступление сопряжено с нарушением государственной тайны, озвучивать которую нельзя в принципе. Возможна и другая ситуация, связанная с конфликтом судебных экспертов. И наконец, третий вариант, когда против социально опасного преступника нет улик. Ситуация патовая — отпустить нельзя, посадить официально нет никакой возможности. Ну и принимается решение: отправляем сюда — в ПСТ 87/6.

— Тот случай, с которым вам предстоит работать, относится как раз к третьему варианту, — закончил свой рассказ Юрий Анатольевич.

— И отчего же это у следствия нет улик?.. — с ухмылкой спросила Саша.

— Дело деликатное, трудно доказуемое... — елеиным голосом пропел Юрий Анатольевич. — Доведение до самоубийства.

— Вы это серьезно? — Саша презрительно улыбнулась.

Подобное «объяснение» из уст представителя органов звучало как банальное оправдание непрофессионализма его сотрудников. Видимо, наделали ошибок во время ведения следствия, и теперь вот так, по сути противозаконным образом, выходят из положения.

— Абсолютно, — уверенно сообщил Юрий Анатольевич. — Вы, наверное, сейчас мысленно на сотрудников пеняете, которые этим делом занимались? Не надо, не пеняйте. Они мертвы...

Саше на какую-то долю секунды показалось, что она ослышалась:

— Мертвы?!.

— Именно-именно, — подтвердил Юрий Анатольевич. — По той же самой причине, что и все предыдущие жертвы. Самоубийство. Особенное дело, милочка, особенное...

Преодолев охватившую ее панику, Саша попросила:

— Я бы хотела сначала ознакомиться с материалами...

— В том-то все и дело. Их нет, — ответил Юрий Анатольевич. — Вы для того сюда и вызваны.

— Что значит — «их нет»? — Саша не поверила его словам. — Вы хотите сказать, что у вас содержится заключенный, а на него даже дела не заведено? Нет ни одного документа?

— А вы не удивляйтесь, вам еще предстоит удивляться сегодня по полной программе, поберегите силы, — зло и высокомерно отвесил ей в ответ Юрий Анатольевич. — Эка мы искалась! Посмотрите на нее!

Прежде чем ваши предшественники покончили с собой, они уничтожили все материалы. У меня, кстати, нет никаких гарантий, что и с вами чего-нибудь такого не случится. Так что, попрдержите коней! Посмотрим, как у вас дело сверстается, а главное — долго ли с ним проживете.

Саша почувствовала, что ноги стали ватными, а по спине тонкой струйкой побежал пот.

Длинные коридоры тюрьмы, выкрашенные темно-зеленой краской, словно специально созданы для того, чтобы в них, за отсутствием привидений, гуляло надрывное эхо шагов, лязгающих затворов и крики заключенных. Саша намеренно стучит каблуками, отгоняя страх и неуверенность. Юрий Анатольевич семенит рядом. Если прислушаться к эху его шагов, то можно подумать, что он в шлепанцах.

Краем глаза Саша ловит лампы зарешеченных светильников — больших, похожих на гигантские металлические желуды. Пространство кажется туннелем, где светлые зоны последовательно чередуются с темными. Здесь от фонаря свет ярок, чуть дальше, наоборот,

темно — свет смешивается с тьмой, создавая зловещий сумрак. Свет, тьма, свет, тьма...

«Литер Б, № 63-22, распоряжение № 119-23Р» и две фамилии — Сашина и ее сопровождающего. Эту фразу Юрий Анатольевич механически повторяет перед каждой новой дверью-решеткой, что разделяет здесь коридоры, этажи и внутренние блоки. Охранники молча сверяются с документами и пропускают следователей на территорию, за которую они отвечают.

Саша совершенно забылась, пытаясь уложить в голове события этого дня. А тем временем они уже стояли перед камерой номер 63-22. Охранник поворачивал ключ в замке меленой металлической двери.

— Нам нужны доказательства. Хотя бы по пяти умершим женщинам. У него на счету и два мужчины-следователя, но с этим — ладно. На суд мы эти дела все равно представить не сможем. Очень на вас все надеются. Не обманите ожиданий, — Юрий Анатольевич расплылся в гнусной улыбке, протягивая Саше пустую папку с единственной надписью — «Дело». — Добро пожаловать в Ад, дорогая!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Саша и опомниться не успела, так быстро за ней захлопнулось дверь. В последнюю секунду она заметила ужас на лице охранника. Казалось, он и не сомневался, что отворяет двери в лабиринт Минотавра. И только сейчас Саша поняла, что охранник предварительно не сделал обязательной вещи — он не посмотрел в глазок и не дал заключенному никакой команды. Впрочем, к охраннику у Саши имелись теперь и более серьезные претензии — в камере было абсолютно темно! Только мертвый свет звезд, мерцающих на черном небе в маленьком окошке под самым потолком камеры, давал хоть какое-то ощущение пространства.

— Потрудитесь включить свет, — громко сказала Саша, пытаясь сохранить хотя бы видимость самообладания.

Как она могла войти в камеру, видя, что свет не включен?! Господи, о чем она думала?! Саша мысленно выругала себя за глупость и опрометчивость.

— Ах да, свет... — из-за дверей послышался якобы сочувственный голос Юрия Анатольевича. — Конечно-конечно, сейчас дадим свет. Подождете минутку?..

После этого он неспешно обратился к охраннику:

— Пойди, братец, к рубильнику. Включи молодым людям свет. Темнота их почему-то не устраивает.

По коридору раздались быстрые шаги охранника, бегущего к выключателю на посту дежурного.

Саша стояла в темноте камеры, прижавшись к двери, едва сдерживая дрожь в ногах. Раньше она и не понимала, что значит «ни жива ни мертва». Она часто чувствовала себя «мертвой», очень редко «живой», но так, чтобы и то и другое сразу, — впервые. Саша слушала удары своего сердца, чувствовала, как струйки холодного пота сбегают по спине, и смотрела в темноту.

Нет, не смотрела. Она впилась в нее глазами, пытаясь разглядеть в ней этого страшного человека. В какое-то мгновение ей показалось, что она физически ощущает его дыхание. Совсем рядом, на своем теле — животное, хищное, голодное дыхание. Он обнюхивал ее, как зверь, изучающий будущую жертву. Плавные, выверенные движения. Саша почувствовала его запах — глубокий, будоражащий, пряный — и задрожала всем телом.

Саша готова была закричать. Но только ее крик стал подниматься от живота к глотке, как вдруг свет зажегся и на миг даже ослепил Сашу.

В продолговатой камере в трех-четыре метра от нее, скинув с себя синее тюремное одеяло и опустив ноги с кровати, сидел мужчина. Смуглый, темноволосый, абсолютно голый, абсолютно спокойный, абсолютно... красивый.

От неожиданности Саша поперхнулась и закашлялась. Вышло как-то очень по-дурацки, но справиться с собой Саша уже не могла. Она кашляла и кашляла, закрывая рот обеими руками и отворачиваясь в сторону. Видимо, она инстинктивно ждала, что этот мужчина, наконец, смутится и начнет одеваться. Но все тщетно, он не двигался с места.

А взгляд Саши, заходящейся в нервном кашле, вдруг стал непослушным. Нет, она не хотела смотреть на этого человека, пока он не оденется. Но это получалось как-то само собой — ее взгляд предательски падал на обнаженное тело заключенного. Она отворачивалась, но взгляд снова возвращался к его телу,

Саша воровала недозволенную ей красоту.

— Вам помочь? С вами все в порядке? — спросил он через некоторое время и поднял на Сашу глаза.

Сашу обдало жаром. Бархатный, укутывающий голос. Теплый, словно одеяло из тончайшей верблюжьей шерсти. Глубоко посаженные, большие, с хищным прищуром темно-синие светящиеся глаза, каких не бывает. Длинные выгнутые ресницы под густой линией черных, как смоль, бровей. Пронзительный, пронзающий взгляд.

— Да, в порядке, спасибо, — еле выговорила Саша, продолжая надсадно откашливаться. — Оденьтесь, пожалуйста...

— Зачем?

— Я должна провести допрос, — объяснила Саша.

— Не буду вам в этом препятствовать, — заверил ее мужчина.

— Ну так оденьтесь! — разозлилась Саша и закашлялась еще больше.

— Если вы не перестанете кашлять, — ответил он, — я буду вынужден проверить, нет ли у вас в горле инородного тела и не надо ли его аспирировать...

Краем сознания Саша представила, что сейчас этот голый, красивый, как божество, мужчина встанет, подойдет к ней и начнет проводить какие-то манипуляции с ее телом. Приступ животного ужаса. Она поперхнулась еще раз, и кашель внезапно прекратился, словно выключился.

— Пожалуйста, оденьтесь, — попросила Саша.

— Вы просите? — он улыбнулся.

Саша запаниковала, физически, где-то внутри, даже не под ложечкой, а еще ниже. Словно у нее в животе сотни маленьких бабочек затрепетали крыльями. Люди не должны так улыбаться, это нечестно, неправильно. Это жестоко! Это обезоруживает, обнажает, лишает сил. Они не должны этого делать! Саша обмякла.

Его чувственные губы открыли ряд жемчужно-белых зубов. Он весь светился изнутри, бессовестно наслаждаясь ее смущением. Ямочки на слегка впалых щеках. Тонкие складки кожи, от прищуренных глаз сбегаящие к выступающим скулам. Волевой и при этом необыкновенно изящный подбородок — квадратный, с такой же ямочкой.

Понимает ли он, что делает с ней?..

— Да, я прошу, — из последних сил вымолвила Саша.

— Я оденусь, — он снова улыбнулся с лукавством хищника и поднялся с кровати. — Да вы не стойте там, присаживайтесь.

Он показал Саше на единственный стул рядом с прикрепленной к стене небольшой столешницей. Саша, словно под гипнозом, пытаясь не смотреть на его безупречное тело, сделала три необходимых шага и положила папку на стол. Ноги подкашивались. Она хотела подвинуть стул, чтобы не находиться так близко к заключенному, но оказалось, что стул неподвижен, привинчен к полу.

Вздвогнув, Саша села и закрыла глаза — просто, чтобы не смотреть... И вновь вокруг нее это прежнее чувство, только гораздо сильнее! Она чуть не задохнулась! Животное, хищное дыхание голодного зверя — прямо у нее под одеждой. Плавные, выверенные движения... и запах — глубокий, будоражащий, пряный.

В ужасе открывая глаза, Саша жадно схватила воздух и захлебнулась им...

Он одевался, не сводя с Саши глаз. Он ловил каждое ее поползновение украдкой взглянуть на его красоту. А эти поползновения были, потому что Саша больше не принадлежала себе. Нельзя было не смотреть на него, нельзя было не любоваться тем, как он одевается. В сущности, он лишь натянул на голое тело штаны арестантской робы и сверху облачился в рубашку-куртку.

Но важно ведь не что, важно — как. А это «как» было виртуозно — грация, плавность, сила и энергия. Как он двигался! Если бы на эту мистерию можно было смотреть вдоволь, то Саша, наверное, умерла бы с голода, не найдя в себе сил оторваться от столь завораживающего зрелища. А если бы у нее спросили, во что он был одет, она бы, не сомневаясь, сказала — в королевские одежды.

— Так лучше? — он стоял в полутора метрах от Саши — в штанах и незастегнутой куртке на голое тело.

— Нет, — ответила Саша, подумав, что его лица, обнаженной груди, открытых запястий с щиколотками, рук и босых стоп вполне достаточно, чтобы свести ее с ума.

— Нет?.. — снова улыбнулся он.

— В смысле — да! — выпалила Саша, поняв, что сморозила непозволительную глупость — правду. — Эээ... Давайте начнем.

Саша проявила чудеса расторопности и даже не рассыпала бумагу, лежавшую в папке.

Глядя на нее, он рассмеялся.

— Я кажусь вам смешной? — спросила Саша.

— А вы? — улыбнулся он.

— Хорошо, — Саша не ожидала такого ответа и даже не поняла его, смутилась, но тут же снова взяла себя в руки. — Оставим это. Ваши фамилия, имя, отчество...

Саша занесла ручку над соответствующей графой «Дела».

— Имя — это слово о вещи, — ответил заключенный. — А слово — это продукт сознания. О чем сознании вы меня спрашиваете? О моем, о сознании моих биологических родителей, о сознании общества, определившего меня в эту тюрьму? О чем? Может быть, о вашем?

Саша нахмурилась. Из-за волнения и растерянности она не поняла ни единого слова:

«Почему он не отвечает на вопрос прямо? — подумала Саша. — И если это действительно так умно, как звучит, почему он так красив... Господи, о чем я думаю?!»

— Наверное, пока я здесь, меня зовут № 63-22, — сказал тем временем заключенный, улыбнулся и пожал плечам. — Глупо в этих стенах именовать меня как-то иначе. Моя фамилия — код этой тюрьмы. А мое отчество — номер решения о моем заключении. Я думаю так.

Закрасневшаяся Саша зачем-то вписала в соответствующие графы набор цифр — ПСТ 87/6, № 63-22, № 119-23Р.

— Ну вот, вы все сами обо мне знаете! — покачал головой 63-22.

— Дата рождения? — спросила Саша, прочитав соответствующую надпись в начале следующей строки бланка.

На вид ему было лет двадцать пять. Хотя, на самом деле, наверное, около тридцати, может быть, тридцати три.

— Я не помню точно, — 63-22 запустил руку в свои абсолютно черные волосы, коротко стриженные, но уже лежащиеся друг на дружку вьющимися локонами. — Около полугода.

— В смысле?.. — Саша, как замороженная, смотрела на движение его руки.

— Узнайте дату у моего папы — № 119-23Р...

— Это черт знает что! — пробормотала Саша. — Образование и профессия...

— Образование — мое собственное, профессия... — 63-22 на секунду задумался. — Я изучаю Данте.

— Это позволяет обеспечить себя средствами к существованию?

— Никогда об этом не задумывался, — ответил 63-22. — Данте должен кого-то кормить?..

— Но вы же должны что-то есть? — Саша качнула головой,

— У меня никогда не было с этим проблем, — вполне серьезно ответил 63-22.

— И на какие средства? — Саша качнула головой еще сильнее. — Вы подрабатываете где-

то? Может быть, моделью... не знаю...

— Нет, ни в коем случае. Фотография меня убивает, я на ней мертвый.

И вдруг Саша поняла, наконец, причину своего состояния — своей растерянности, паники, безумия. Она и прежде видела красивых людей. Но она никогда не видела таких красивых, какими они бывают на обложках журналов. Раньше у Саши была иллюзия, что где-то они живут эти красивые люди, которые снимаются для журналов и рекламы, для кино и телевидения.

Но однажды, работая над одним громким делом, ей пришлось познакомиться с целым ворохом суперзвезд и супермоделей. И все они были чудовищно некрасивы в жизни! Работа гримеров, специалистов по свету и просто «магия пленки» делали их божествами. Но в жизни — они были серыми, ничем не примечательными птахами. Даже некрасивыми. Впрочем, ничего странного — человек не идеален.

И что же случилось сейчас? Идеальный образ, возможный только на фотографии, только благодаря краскам, ретуши, освещению, воплотился и стал явью. 63-22 был живой, ожившей картинкой. И, наверное, поэтому все, происходящее вокруг Саши, казалось ей сейчас ненастоящим.

— Вам не разрешают здесь книги? — неожиданно для самой себя спросила Саша.

— Нет, не разрешают, — пожал плечами 63-22.

— Хотите, я посодействую, чтобы вам разрешили «Божественную комедию», — предложила Саша.

— В этом нет необходимости, — ответил 63-22. — Я помню ее наизусть.

Саша мысленно представила себе толстенный том из «Библиотеки всемирной литературы». Еще девочкой, живя у бабушки, собиравшей эту серию книг, Саша попыталась взяться за «Божественную комедию». Труд оказался неподъемным — длинно, скучно, непонятно. Как можно помнить это наизусть?..

— И что же вы изучаете, если итак помните Данте наизусть? — Саша недоверчиво посмотрела на 63-22.

— Я изучаю его безумие, — ответил он.

— Ладно. Хорошо, — Саша совершенно растерялась. — Вы знаете, в чем вас обвиняют?

— Нет, — ответил 63-22 и пожал плечами так, словно бы его это и не интересует.

— В доведении до самоубийства.

— Меня обвиняют в том, что кто-то другой не захотел жить? — улыбнулся 63-22.

— Но люди могут не хотеть жить по разным причинам, — протянула Саша.

— Но это их причины...

— Послушайте, — Саша посмотрела ему в глаза, и ее голос дрогнул. — Вы же просидите здесь всю жизнь, если вас так и не обвинят официально. А если вы дадите против себя показания, то тогда...

— Что тогда? — 63-22 задал этот вопрос спокойно, уверенно.

Было очевидно, что ответ его не интересовал, он хотел, чтобы сама Саша его услышала.

— Это 110 статья УК, — запинаясь, начала она. — Доведение до самоубийства. Срок от трех до пяти лет, в зависимости от обстоятельств — наличие угроз или только издевательств...

— Вам самой не смешно? — перебил ее 63-22.

— А почему мне должно быть смешно? — Саша смутилась.

— Вы можете представить себе человека, который способен мне отказать? — 63-22 вдруг посмотрел на Сашу с жалостью.

Потом он взял свое «Дело» и ткнул в него пальцем. В месте, куда он указывал, значилось: «Фамилия: ПСТ 87/6. Имя: № 63-22. Отчество: № 119-23Р». Саша тупо рассматривала эти буквы

и цифры, выведенные ее собственной рукой, и чуть не плакала.

Да, она понимала, что это бред. Но так же ясно Саша понимала и другое — скажи он ей написать это заново, в каком угодно документе и с какой угодно целью, она сделала бы это опять и опять, не задумываясь.

Отсканировано : <http://www.gifik.narod.ru/> :: Библиотека сайта : <http://ki-moscow.narod.ru/>

Если бы он сказал: «Мне никто никогда не отказывал». Саша бы не поверила его словам. Но когда он указал ей на ее собственное согласие — нелепое, абсурдное, бессмысленное — других аргументов не требовалось. Он действительно обладает неведомой, бесконечной властью. Кто же он?!

Саша снова посмотрела на эти графы... Глупо, глупо! Ужасно глупо! Голова закружилась, и почему-то вспомнился Серый: «Саша, ты веришь в Бога? Это неправильно. Посуди сама. Если тебе плохо, тебе Бог нужен. А если у тебя есть все, что тебе надо. Тебе нужен Бог? Нет, не нужен. Значит, Его нет».

— Вы хотите сказать, что у вас может быть все, что вам надо? — Саша склонила голову на бок. — И поэтому нет нужды...

Она хотела сказать, что нет нужды доводить кого-либо до самоубийства. «Зачем желать кому-то смерти, — рассуждала Саша, — если он готов выполнить любое твоё желание?» Но на ее устах было совсем другое — «и поэтому нет нужды в Боге». Впрочем, последнее слово она так и не произнесла. Не смогла.

В ответ 63-22 только молчал и смотрел на Сашу. От его взгляда — испытующего, искушающего — волны возбуждения прокатывались по всему ее телу. Она дрожала.

— Да, в этом проблема, — сказал он вдруг. — Мне не нужен Бог.

Саша оцепенела — 63-22 прочел ее мысли!

— Ну ладно, — Саша взяла себя в руки. — Вам не нужен Бог. Пожалуйста. Но мне нужны доказательства. Вы дадите против себя показания?

В глубине души Саша надеялась, что 63-22 сейчас откажется. И она — Саша — сбежит, бросит все и сбежит. Пока еще есть силы. Исчезнет и больше никогда не увидит этого ужасного человека. Человека, обладающего такой магической властью над ней. Все к этому шло, он должен был отказаться! Но 63-22 молчал.

Он не отвечал ни да ни нет. Встал, прошелся по камере и остановился у окна. Саша уже перестала с собой бороться, это было бессмысленно — она бесстыдно любовалась им. Ловила каждый его шаг, каждый жест, поворот, наклон, малейшее движение головы. Впрочем, нет, она даже не любовалась, она боготворила его.

Высокий, стройный, исполненный неведомой силой, он смотрел в черное ночное небо, мерцающее тысячью звезд. Казалось, он разговаривал с ними. В какой-то момент Саше даже почудилось, что он оттуда, что он сошел с неба.

— Вы просите меня об этом? — спросил вдруг 63-22.

Он даже не повернулся к ней.

— Да, — тихо ответила Саша.

— Ты уверена?.. — снова спросил 63-22.

«Нет» — вертелось на языке, буквально прыгало с языка. Нет, Саша не хотела никаких доказательств! Никаких. Она вообще ничего не хотела о нем знать. Ничего! Она хотела... Она хотела... Она хотела умереть. От его рук, его губ...

— Не слышу, — голос 63-22 стал жестким.

— Да, — прошептала Саша.

— Хорошо, — 63-22 повернулся к Саше, и она обмерла. — Если ты хочешь доказательства, добудь их. Я расскажу одну историю, если найдешь разгадку, получишь свои доказательства.

Если захочешь других доказательств, тебе придется поискать их в другой истории. Но помни, если ты не найдешь их, — 63-22 пронзил Сашу взглядом, — ты умрешь. Главное вовремя остановиться. Согласна?..

— Да, — одними губами ответила Саша.

«В меня влюбилась девушка, — начал свой рассказ 63-22. — Думаю, можно поверить мне на слово, я не давал ей к тому ни малейшего повода. Кроме, разве одного — я был тем, кто я есть, то есть самим собой. Девушку звали Татьяна, и ей было, насколько я помню, около двадцати. Милая, невзрачная, со стеклянными глазами.

Пригожим летним днем я сидел на скамейке в парке. Смотрел на тихую гладь пруда, на кричающих уток и думал над восьмой песней «Чистилища». Таня проходила мимо и спросила меня, сколько сейчас времени. Я ответил. Она улыбнулась, поблагодарила и пошла дальше. Через несколько минут я увидел, что она идет обратно.

— Вам не скучно? — спросила она, сияя, как медный таз.

Дурацкий вопрос! Почему мне должно быть скучно?! Если человек один — это еще не значит, что ему скучно. "Скорее, ему может быть скучно, если он с кем-то. Ведь скука — это, когда тебе не о чем думать или тебе мешают это делать. Возможно, впрочем, некоторые люди просто не хотят думать?..

— Нет, отнюдь, — ответил я.

— А я хотела пригласить вас на встречу нашего «братства», — юная леди или не поняла моего ответа, или не захотела принять его во внимание. — Я думаю, это может быть вам интересно...

С чего она решила, что мне могут быть интересны собрания ее «братства»? Не знаю. Никакие идеи не способны объединить людей, это иллюзия. По-настоящему объединяют только страх и ненависть. Все прочие ассоциации — культурные, идеологические, религиозные — профанация. Попытка отдельных субъектов казаться лучше.

— Мы встречаемся, чтобы говорить о Боге, — продолжала Таня, оказавшаяся изрядной болтушкой. — Ведь Бог присутствует в жизни каждого человека, но человек Его не замечает. Люди страдают именно из-за этого. Они не находят времени для молитв, не думают о том, что Бог для них делает, и не умеют быть Ему благодарными...

Это надо же... «Бог присутствует в моей жизни». Кто может знать это?! Вера избавляет людей от чувства ущербности — вот причина, по которой люди верят. Одним нравится думать, что все грешны, поэтому они могут не переживать из-за собственного греха. Другие повторяют, как заклинание, что Бог — это Любовь, и поэтому не так страдают от недостатка настоящей любви в собственной жизни.

— Бог — это Любовь, — сказала Таня, чего, в общем-то, и следовало ожидать. — И я хочу, чтобы вы тоже узнали об этом, прикоснулись к Его благодати и стали счастливы...

Как можно стать счастливым?.. Счастье — это внутреннее состояние цельной личности. Нельзя стремиться к следствию, не пожелав прежде его причины. Если вы хотите насытиться, вам следует желать пищи, а не сытости. Если вы хотите счастья, вы должны желать собственной цельности, а не искать «вторую половину» — в виде Бога или любовника.

— Пожалуйста, приходите! — почти взмолилась Таня.

— Вы просите? — удивился я.

— Да! — Таня подтвердила свою просьбу.

Этим же вечером я был на собрании ее «братства». В помещениях бывшего дома культуры — его холлах и фойе, в зале и на сцене — кружились пестрые хороводы. Сотни людей в едином порыве смеялись, пели и молились.

Они повторяли то же, что я уже слышал сегодня от Тани: «Бог — это Любовь! Мы прикоснулись к Твоей благодати, Господи, и счастливы! Мы возносим Тебе свои молитвы, и наши сердца поют! Аллилуйя, аллилуйя!»

Таня не оставляла меня ни на секунду. В очередном хороводе она шепнула мне:

— То, что мы встретились с тобой — не случайно! Это знак! Я чувствую в тебе огромный потенциал любви! Но ты закрыт! Открой себя для любви!

— Ты действительно просишь меня об этом? — спросил я у Тани.

— О да, конечно! — ответила она. — Я готова любить тебя всем сердцем, всю жизнь. В каждом человеке есть Бог! Любить человека — это любить в нем Бога! Любовь обожествляет! Любовь — это великий дар, от которого нельзя отказываться! Если она приходит, мы должны открыть себя ей навстречу! Так мы открываем себя Богу!

Она говорит и говорит, не переставая. Она влюблена, она хочет, чтобы я взял ее. Но зачем она говорит о *моей* любви? Зачем она говорит обо *мне*? И наконец, зачем она приплетает к своей физической страсти Бога?

Таня просила, и я был с ней. Я был с ней, потому что она желала этого. Она же рассказывала мне о любви — о *нашей* любви. Она рассказывала мне о счастье — о *нашем* счастье. Она рассказывала мне о Боге — о *нашем* Боге...

И я сказал ей то, что сказал. И она нашла причину умереть. Она покончила с собой, как вы выражаетесь. Что я сказал и какой была ее причина? Ответ на эти вопросы, и у тебя будут доказательства».

Саша вышла из камеры на подгибающихся ногах. В этих четырех стенах, ей казалось, она провела вечность.

У нее «ничего не было» с 63-22. Она не прикасалась к его губам своими губами.

Он не дотронулся до нее даже кончиком своего пальца. Но почему-то у нее было полное ощущение,

что она — «его женщина». О чем они говорили? Что он ей рассказывал? Саша не помнила. Кем он был? Что он с ней делал и как? Саша не понимала. Осталось только чувство.

Чувство полной, безраздельной, физической растворенности в нем, в заключенном номер 63-22. Может быть, она сошла с ума? Да, из камеры вышло две Саши.

Одна — существующая на периферии сознания едва заметной тенью — прежняя, знающая, каким чудовищным несчастьем может обернуться роман с заключенным.

И другая — глупая, но счастливая дура — женщина, которая отчаянно хочет жить, потому что совершенно не боится умереть.

— Ну, как вам наш Люцифер? — бодро поинтересовался скучавший до сих пор в коридоре Юрий Анатольевич.

— Люцифер? — не поняла Саша. Юрий Анатольевич слегка прищурился:

— А он вам как-то иначе представился?

— Он мне никак не представился, — ответила Саша. — А почему Люцифер? Разве так людей называют?

— Он что, и про Данте вам не рассказывал?.. — недоверчиво покосился на Сашу Юрий Анатольевич.

— Про Данте рассказывал, — пожала плечами Саша и почему-то улыбнулась. — Может быть, пойдём?..

Они отправились к выходу. Те же двери-решетки, те же охранники, те же формальности и условности. Но совершенно другое чувство. Сашин страх сменился содроганием, странным, необъяснимым трепетом. Ужас, смешанный или даже связанный с восхищением. И еще радость, какая-то совершенно дурацкая, бессмысленная радость.

— Вы хотите сказать, что он отождествляет себя с одним из героев «Божественной комедии»? — спросила Саша Юрия Анатольевича по дороге.

— «И был так дивен, как теперь ужасен, он, истинно, первопричина зол!» — Юрий Анатольевич нараспев процитировал Данте. — «Божественная комедия», «Ад», песнь тридцать четвертая, строфы тридцать пятая и тридцать шестая.

Саша посмотрела на него, как на умалишенного, и чуть не рассмеялась:

— Вы это серьезно?

— Абсолютно, — воодушевился Юрий Анатольевич. — Это же целая история!

— В смысле?

— Данте помещает Люцифера в сердцевину мира, — принялся чуть ли не взхлеб рассказывать Юрий Анатольевич. — Красивейший из ангелов восстал против Бога и был низвергнут. Падая, он пронзил земную твердь и, застряв в центре земли, превратился в ледяную глыбу. И это место — место, где располагается проход между Адом и Чистилищем.

— Вы это мне к чему рассказываете? — Саша грешным делом решила, что несчастный тронулся рассудком.

— Послушайте! — возбужденно продолжил Юрий Анатольевич, когда они вышли из здания тюрьмы. — По Данте, загробный мир состоит из трех царств — Ада, Чистилища и Рая. В Аду, который устроен концентрическими кругами, уходящими воронкой вниз, находятся души грешников, не раскаявшихся в своих грехах.

В Чистилище, которое, напротив, расположено поднимающимся вверх уступами, обитают души грешников, покаявшихся в своих прегрешениях. Здесь они искупают свою вину и ждут прощения. Чистилище венчает земной рай, где можно проститься с грехами, обрести благодать и вознестись в Рай небесный. Последний состоит из девяти небес, которые венчаются десятым — местом, где обитают Бог и ангелы. Но это уже не так важно...

— Вы хотите сказать, что важно что-то из вышесказанного?.. — Саша перебила рассказчика, не зная, как ей на все это реагировать.

Ей так тяжело было слушать этого сумасшедшего. Ей так хотелось сейчас ни о чем не думать, никого не видеть. А просто смотреть и смотреть на звездный купол неба. На вселенную, которая во всем этом бреде, в этом ужасе открылась ей вдруг сладостным, упоительным чувством любви. Зачем он мешает ее счастью?.. Хотя бы просто помечтать...

— Оставьте свой скептический тон! И придите же в себя! — взвизгнул Юрий Анатольевич. — Вы знаете, как попасть из Ада в Чистилище?!

— Что?! — Саше показалось, что она ослышалась.

— Путь лежит через Люцифера!

— А-а-а... Ну понятно. Вы не знаете, где мои вещи и куда меня определили на ночь?..

— Через пах Люцифера! — заорал Юрий Анатольевич, словно и не слышал ее вопроса. — Путь из Ада в Чистилище лежит через половые органы Люцифера! Слышите вы меня! «Там, где бок, загнув к бедру, дает уклон пологий... Челом туда, где прежде были ноги... Вот путь, чтоб нам из бездны зла спастись». «Божественная комедия», «Ад», песнь тридцать четвертая, строфы с семьдесят шестой по восьмидесятую.

Саша остолбенела. Она только сейчас поняла — это не литературоведческий экскурс, Юрий Анатольевич говорит с ней вполне серьезно!

Вы понимаете теперь, что с вами происходит бесновался Юрий Анатольевич. — Дура! Ты

бы посмотрела на себя! Ты же втрескалась в него по уши! Два часа с ним провела, а у тебя уже глаза осоловевшие!

— Подождите-подождите... — Саша уставилась на Юрия Анатольевича, словно только что впервые его увидела. — Вы думаете, вы поймали Люцифера? Настоящего?!! «Вот путь, чтоб нам из бездны зла спастись»? Да вы с ума сошли!

Саша принялась хохотать — безумно, надрывно, в крик. Ее трясло, всю — от макушки до мизинца на ноге. Она хохотала от ужаса. От дикого, животного ужаса. И вдруг, не видя дороги, рванулась с места. Не зная, куда бежать, она, словно встревоженная птица, бросилась наугад — обратно к зданию тюрьмы.

— На его совести десятки смертей! — буквально заскрежетал ей вслед Юрий Анатольевич. — Десятки! И ни одного доказательства! Ни одной улики! На моих глазах следователи — двое здоровых мужчин, старшие офицеры, почтенные главы семейств — тронулись рассудком и покончили с собой!

Саша остановилась и обернулась:

— Они, что, тоже в него влюбились?

— Да!

— Да вы с ума сошли! Не может быть... Бред какой-то! — Саша снова порывалась бежать — куда угодно, но кругом стены охраняемой зоны; приступ отчаяния, едва сдерживаемые слезы. — И почему вы мне сразу не сказали?!

— Вы и сейчас мне не верите! Что, если бы я с этого начал?! — Юрий Анатольевич буравил ее сумасшедшими глазами.

— Хорошо, — сказала Саша, стараясь сдержаться, не показать своих слез. — Сегодня мы уже ни до чего не договоримся. Давайте отложим разговор до утра? Как?

— Только, ради всего святого, не лишайте себя жизни до этого...

Саше выделили небольшую комнатку в пристройке, рядом с административным зданием. Ее вещи уже были здесь, на маленьком столике у окна лежал сухпак. Саша вошла, осмотрелась. Есть не хотелось. Она села на кровать и увидела прямо перед собой зеркало.

И странная вещь — в нем не было ее глаз. Лицо было, а глаз не было. Нет, они, конечно, были, но... Их словно бы не было. Саше вдруг стало жутко и холодно.захотелось немедленно залезть под одеяло и спрятаться с головой. Она так и сделала.

«Любовь — абсолютная загадка, — Саша вдруг вспомнила слова своего учителя. — Ей привыкли льстить: любовь — это свет, любовь — это счастье, любовь — это благо, любовь — это... Бесконечный перечень восторгов. Как будто любовь — живое существо. Но ведь это не так, любовь — только чувство.

Есть влюбленные — те, кто любит. И есть возлюбленные — те, кого любят. В этом истина. А любви, которая бы сама бравой походкой или вразвалочку ходила по улицам и заглядывала в окна, нет.

Любовь — это только слово. Слово, подобное заклинанию. Оно способно заслонить человека. И самое сложное — будучи влюбленным, не потерять за своим чувством возлюбленного, любимого человека. Самое сложное — не убить его».

Саша подскочила на постели. «Будучи влюбленным, не потерять за своим чувством любимого человека...» Что это значит? Она помнила, что эта фраза значила гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Но что именно?!

И что-то было еще, дальше... Ее учитель говорил что-то еще. Но что?! Саша напрягала память. В сознании всплывали отдельные слова, картинки, даже фразы. Но Саше нужно было вспомнить одну, очень конкретную мысль. Она вертелась на языке, но ускользала, словно играла

с ней в жмурки.

«Не нужно, не глядя, обожествлять любовь, — говорил Сашин учитель. — Любовь бывает разной. Вы можете любить тело человека, вы можете любить его личность, а можете любить душу. Это три разных типа любви. Три совсем разных любви, но нелегко отличить одну от другой.

Любовь, обращенная к телу, основанная на сексуальном влечении, — жгучая, опаляющая. Она как смерть. Истинная страсть так сильна, что сознание сдается перед ее напором. Вам кажется, что вы любите именно человека, его качества, его душу. А в основе только физическое влечение, сексуальная доминанта.

И возлюбленный у такой любви не настоящий — он нарисованный. Мозг как в горячке, ему нужно освободиться от возбуждения. Вот он и рисует идеальную, манящую картинку. И дела нет ему до объективности! «Ты любишь! Объект достойный! Давай!» — вот его слова. Обман вскрывается позже...»

Саша вспомнила, как поразили ее тогда эти слова. Они описывали ее любовь к Серому. Она влюбилась в него, не заметив ни его личности, ни его души. Но ей казалось, что она любит его именно за человеческие и душевные качества. И она даже не поняла, что его личность незрелая и инфантильная. А душа, как у всякого ребенка, эгоистичная, замкнутая на саму себя. И потом жизнь преподнесла ей иной урок. Павел был уверен, что любит Сашу. Он сотни раз говорил ей об этом. Мучил и говорил, мучился и продолжал говорить. Но сама Саша отчетливо ощущала обратное — в нем нет любви. Теперь она поняла, что ошибалась, в нем была любовь, но лишь такая — физическая. А любви к ней, к самой Саше, к ее личности, к ее душе, у него не было.

«Но это безумие? Как такое вообще может быть? Как рождается такое заблуждение?» — Саша засыпала своего учителя вопросами.

Он улыбнулся в ответ и стал рассказывать про лягушек. Он вообще очень любил рассказывать такие истории — словно и не о человеке, а на самом деле, именно о нем. Если не надумываться, ты узнаешь про лягушек, мышей, собак, кошек, голубей, уток. Но как только Саша начинала слушать своего учителя, а не его слова, тут же все сказанное им магическим образом преображалось. Его рассказ был уже не из «мира животных», он был о человеке. Нет, даже не о человеке, а о ней самой, о Саше.

«Если вы ткнете в лягушку тросточкой, она немедленно ретируется. Это нормальная защитная реакция. Но все меняется, когда вы проводите тот же опыт с лягушкой, застигнутой в момент спаривания. Сейчас в ее мозгу господствует обнимательный рефлекс. Он — доминанта. Он настолько завладел ее мозгом, что любое внешнее раздражение его только усилит.

Так что тыкайте в нее тросточкой — пожалуйста! Сколько вам заблагорассудится! В отряде будущих головастиков от этого не убудет. Лягушка не станет спасаться от вас бегством, она лишь с большей силой приобнимет свою возлюбленную. Страсть лишена объективности, она лишена правды. Поэтому помните: если мозг охвачен возбуждением, вы в опасности...»

Саша снова закрыла глаза и вдруг, внезапно опять это чувство — хищное дыхание голодного зверя. Вокруг нее, в пространстве, на теле. Только в этот раз все чуть-чуть по-другому. Словно Саша и не в комнате. Но где?! Она в материнской утробе! Спряталась, притаилась. Но хищник совсем рядом. Он ищет ее. Он ее чувствует! Плавные, выверенные движения...

И вдруг стены матки начинают ритмично сокращаться. В мгновение ока они превращают Сашу в едва живой комок биологической ткани. Словно прессовочный аппарат. Сильнейшая боль. Кости в суставах выворачиваются в обратную сторону. Кожа обагрена и саднит. Нет, она не в матке, она во рту! Ее пережевывают!

А-а-а!.. «Если ты хочешь доказательств, добудь их. Если найдешь разгадку, получишь свои

доказательства. Но помни, если ты не найдешь их, ты умрешь». А-а-а!..

Теплый летний день. Юная, совсем еще юная, — глупая, неопытная и наивная девушка идет по парку мимо пруда. У нее хорошее настроение. На душе светло. Она чувствует, что скоро ее жизнь изменится. Обязательно! Бог пошлет ей человека, которого она ждет. Он сделает это, потому что так должно быть!

Однажды на собрании «Братства» она услышала и запомнила эти слова: «Если вы хотите любви, научитесь дарить любовь. Не ждите ее. Осознайте, что любовь уже есть. Она в вас! Станьте любовью, дышите любовью, улыбайтесь с любовью и дарите любовь! Ибо все, что мы отдаем, мы получаем назад преумноженным».

И вдруг она замечает мужчину. Он очень красивый. И еще — очень одинокий. Сидит один на скамейке в парке и смотрит на воду. Видно, что в его жизни нет любви. Если бы он любил, то его душа была бы открыта миру. А он закрыт, словно черная дыра. Но в ней, в этой глубине — свет! Это точно! Она уверена.

— Вы не подскажете, который час? — спрашивает юная леди.

Он отвечает, но юная леди прослушала. Она так залюбовалась его лицом — таким правильным, таким утонченным и мужественным одновременно, что все прослушала. У него абсолютно черные, вьющиеся волосы и голубые глаза. Нет, не голубые. Они синие! А еще у него голос... У него голос, как у огромного кота, — вкрадчивый, мягкий, ласкающий.

От смущения девушка заулыбалась и поспешила прочь.

«Что же я делаю? — подумала она по дороге. — Почему я убегаю? А как же правило: „если вы хотите любви, научитесь дарить любовь“? Да! Я должна подарить ему любовь! Ведь это так очевидно — ему нужна любовь! Любовь сделает его счастливым. Нет, не просто любовь — моя любовь сделает его счастливым! Я смогу любить его так, как никто и никогда не любил! Во мне такое море любви...»

Юная леди повернула назад и снова подошла к мужчине, скучающему на скамейке.

— Вам не скучно? — спросила она, излучая любовь.

— Нет, отнюдь, — ответил мужчина. Девушка растерялась и подумала: «Почему он говорит неправду? — но уже через мгновение догадалась. — А-а-а... он просто не хочет меня обременять своей грустью! Какой он добрый! Добрый и несчастный... Нет, надо загадать. Я сейчас загадаю. Если я попрошу его, и он скажет „да“, тогда я не ошиблась — это он. Пусть Бог даст мне знак!»

— А я хотела пригласить вас на встречу нашего «Братства». Я думаю, это может быть вам интересно. Мы встречаемся, чтобы говорить о Боге. Ведь Бог присутствует в жизни каждого человека, но человек Его не замечает. Люди страдают именно из-за этого. Они не находят времени для молитв, не думают о том, что Бог для них делает, и не умеют быть Ему благодарными. Бог — это Любовь. И я хочу, чтобы вы тоже узнали об этом, прикоснулись к Его благодати и стали счастливы... Пожалуйста, приходите!

— Вы просите? — улыбнулся мужчина.

— Да! — подтвердила юная леди. И он согласился!

— То, что мы встретились с тобой, — не случайно! Это знак! Я чувствую в тебе огромный потенциал любви! Но ты закрыт! Открой себя для любви! — сказала она, когда они были на встрече «Братства».

— Ты действительно просишь меня об этом? — спросил он.

Она прижалась к нему, почувствовала его запах — глубокий, будоражащий, пряный. И почти закричала:

— О да, конечно! Я готова любить тебя всем сердцем, всю жизнь! В каждом человеке есть Бог! Любить человека — это любить в нем Бога! Любовь обожествляет! Любовь — это великий дар, от которого нельзя отказываться! Если она приходит, мы должны открыть себя ей

навстречу! Так мы открываем себя Богу!

Этой же ночью она стала женщиной. Нет, это он сделал ее женщиной. И дело не в этом? — утраченной девственности. Дело в том, что она почувствовала. Растворившись в нем, она родилась заново. У нее появилось тело — настоящее, живое, чувственное. Он овладел каждой клеточкой ее существа, проник в самое ее существо, *он будто был в ней постоянно*. Звучит странно, но это правда.

Едва касаясь... Кончиками пальцев... Не руки, а раскаленный воздух... Она чувствовала себя глиной, теплой, податливой глиной в руках Творца... Смеющееся божество... Он пил ее тело нежными губами... Нежными, как лепестки роз...

Она задыхалась от его запаха — пьянящего, обнажающего, сводящего с ума... И шепот, шепот непонятных слов... Всполохи огня посреди черного неба, надсадный звук магических бубнов и пение шамана... Дыхание бездны...

Плавные, выверенные движения... Бог превратился в хищника... Хищник перед прыжком... Уверенность, сила, напор... В момент смерти она зажмурилась... Яркая вспышка боли... Неизъяснимое счастье... Небытие... Невесомость небытия... Смерть...

Пережив смерть, она стала подниматься... Мощным потоком... Куда-то вверх... Смерти нет... Ее тело ожило после смерти... Ритмичные движения, вдыхающие в нее жизнь... Предельное наслаждение жизнью...

Жизнь, ставшая предельным наслаждением...

До этого она была только пустым сосудом. Но даже не знала об этой пустоте. Она не представляла, что в ней может быть столько чувства! Но теперь, теперь все перевернулось. Она любила его во всех ипостасях — как мужчину, как отца, как сына, а главное — как Бога. Он стал ее Богом. Он осчастливил ее! Во всей жизни ей больше никто не был нужен. Только ОН!

Впрочем, одно только... Они встречались уже три дня, три самых счастливых, самых светлых, самых ярких дня в ее жизни! А он так и не сказал ей о своих чувствах! Он так и не сказал, что любит ее. Конечно, признаться в любви нелегко, даже страшно. Она понимает. Страшно открыть другому человеку душу. Но ведь она любит его, поэтому бояться нечего! Как он этого не видит?.. Ничего. Она ему поможет.

Судьба судила им быть вместе. Теперь это навсегда. Такое чувство достойно вечности. Да, конечно, у них будут дети, будет дом. Когда-нибудь они состарятся и умрут в один день. Но это только здесь, в этом мире. А там — *ТАМ*, где заключен союз их сердец, они будут жить всегда. Любовь, если это любовь, не проходит никогда. *ОНА* — вечна.

Он сидит на постели и смотрит в огромное окно — голый, красивый, покрытый капельками пота. А за окном спит город и высокое небо. Она облокотилась на спинку кровати и смотрит на его затылок. У него прекрасный, самый прекрасный из всех самых прекрасных затылков... с короткими, вьющимися, черными волосами.

— Ты любишь меня? — спрашивает она, заранее зная ответ, и ждет.

Но он молчит и продолжает смотреть в окно. Словно не слышит.

— Ты не слышал? Я спросила — ты меня любишь? — ее сердце почему-то забилось в груди, словно птаха, попавшая в тугие силки.

— Ты хочешь услышать ответ?.. — спрашивает он.

— Да, — птаха в груди рванулась и замерла.

— Ты просишь? — снова спрашивает он.

— Да.

Он поворачивает к ней голову. Смотрит из-за плеча. У него синие-синие глаза:

— Нет, я не люблю тебя...

На последнем звуке последнего слова птаха в ее груди умирает.

Дальше провал. Провал или сумасшествие. Она не понимает и не помнит, что делает. Ее ощущения вращаются, сменяя друг друга, словно захваченные диким потоком торнадо. Мгновение, и она ощущает себя изнасилованной, грязной, порочной. Еще миг, и ей кажется, что она спит, что это дурной сон. Ведь это неправда, этого не может быть. Нет! Миг — и она мертва, миг — и она воскресает, чтобы принять крестную муку.

Ее чувства смешались, они наслаиваются друг на друга. Она чувствует себя брошенной, она не может в это поверить и задыхается от любви к этому абсолютно слепому, черствому человеку. Она его ненавидит, презирает, считает безумным. И тут же грезит, что он — лучший, единственный, что без него нет и не может быть жизни. Что он изменится, он передумает... Он просто боится, не понимает. Он шутит...

А он просто сидит, сидит на краю кровати, на фоне огромного окна — открытого, выглядывающего в мир. Он сидит и смотрит. Смотрит на нее. Как она забилась в дальний угол комнаты, испуганная, в слезах. Комкая одеяло, она прячет свое белое обнаженное тело от его жестокого, мертвого, бесчувственного взгляда.

А вот он видит ее прямо перед собой, у кончика своего носа. Она схватила его за голову и трясет: «Я же люблю тебя! Люблю! Как ты не понимаешь?! Это самое большое, самое важное! Это все! Неужели ты не чувствуешь?! Не может быть! Я не верю! Ты шутишь! Ты играешь! Зачем ты делаешь это?»

А вот она вскакивает и начинает кидать в него вещи — мягкие, твердые, большие и маленькие, не разбирая, не думая ни о чем. Это отчаяние, это бездна отчаяния: «Я ненавижу тебя! Ненавижу! Гад! Гад! Сволочь! Я презираю тебя! Слышишь?! Я презираю тебя! Это низко! Низко! Как ты мог?!»

И не хочется жить! Совсем не хочется! Никак!

Она выбегает на улицу и видит мчащиеся машины. Смерть рядом — под их колесами. Быстро. Один удар.

Она идет, бежит. Вокруг дома. Высокие. Подняться и прыгнуть. Один прыжок — и все. Конец боли.

Электрические провода. Что сделать, чтобы достать до них?

Глаз автоматически, сам собой, ловит вывеску с красным крестом — «Аптека». Какие лекарства? Сколько? С алкоголем? Да, выпить, заснуть и не проснуться.

Дома никого нет. Родители уехали на дачу. Она должна была поехать с ними, но... На кухне, в пенале, мамой припасена бутылка шампанского. Запивать таблетки шампанским? Много таблеток. Вот эти — купленные, вот эти — из домашней аптечки.

Шелест блистеров, горки таблеток в руке.

Захватить губами, толкнуть языком, проглотить. Сверху шампанское. Отпраздновать смерть шампанским! Жизнь — она чудовищна, чудовищна. Смерть — избавление, искупление. Теперь ничего не страшно.

Запив сотню таблеток шампанским, она встала и на подкашивающихся ногах пошла в свою комнату. Села на кровать. Прямо перед ней зеркало. Папа совсем недавно повесил его рядом с кроватью. Она спросила его: «Зачем, папа?»

А он ответил: «Чтобы моя красавица даже во сне видела себя в зеркале. И всегда помнила, какая она красивая и какой огромной любви она достойна!»

«Ну что ты, папа! — воскликнула она тогда и улыбнулась. — В любви важна душевная красота, в зеркало не увидишь!»

Проклятое зеркало! Любви нет! Ложь!

Она схватила стул и с силой бросила его в зеркало. Мелкие трещинки на глазах

превращаются в длинные извилистые линии. Блестящие осколки осыпаются на пол. Как в замедленном кино... Мягкая кровать принимает тело...

Она поворачивает голову и вдруг совершенно случайно замечает свое отражение. В осколке зеркала. Взгляд не фиксируется, картинка плывет перед глазами. Трудно, но она пытается, она зачем-то вглядывается в свое отражение. Последний раз...

Это ее глаза! Саша вдруг понимает, что это ее глаза! Она умирает. Сейчас!

Слабеющие руки хватаются за покрывало. Саша пытается встать. Но ее тело превратилось в ватную куклу. Оно не слушается. Немыслимым усилием воли Саша заставляет его повиноваться. Подняться, встать, идти...

Туалетная комната. Унитаз. Засунуть два пальца в рот и надавить на небо. Отрава из таблеток, смешанных с шампанским, выстреливает из нее фонтаном. Теперь еще воды, много воды и то же самое. Исторгнуть, исторгнуть из себя...

Саша в ванной. Желтый свет. Белая раковина. Она омыла лицо — бледное, измученное. Смотрит на свое изображение в зеркале. Нет, это не она. Глаза — ее, Сашины, а лицо — не ее.

И вдруг в памяти всплывают слова Сашиного учителя: «Любовь, обращенная к телу, основанная на сексуальном влечении, — жгучая, опаляющая. Она как смерть. Поэтому помните: если мозг охвачен возбуждением, вы в опасности...»

В следующий миг сна Саша гладит Таню по лицу и волосам:

«Ну что ты, глупая... Вот учудила. Ты не должна этого делать. Слышишь меня, не должна. Пойми, смешная: это не он тебя убивает, это ты сама себя убиваешь. И не ему ты досаждаешь, а себе делаешь больно.

Ты его придумала, Таня. Придумала идеального — такого же хорошего и красивого, как твое сердце. Трепетного и ранимого. Но он не настоящий. Он только, твоя фантазия. Настоящего ты не знаешь.

А поэтому любовь твоя не к нему, а к самой себе. Но кто же из-за такой любви себя убивает?..»

Таня в зеркале сквозь слезы улыбается Саше.

Утром Сашу разбудил деликатный стук в дверь. Она открыла глаза. Над ней потолок с потрескавшейся штукатуркой. За окном дождь. Холодно, сумрачно, влажно.

— Кто там? — крикнула Саша.

Из-за двери ее официальным тоном проинформировали о времени завтрака, а также о том, что после ее ждет к себе Василий Васильевич.

Нужно было вставать, идти. Но Саша чувствовала себя изнеможенной, словно кто-то огромным шприцом выбрал из нее силы. Нет, на завтрак она не пойдет. Она подремала еще пятнадцать-двадцать минут, потом съела полагавшиеся ей на ужин крекеры, запивая их яблочным соком из коробочки.

Умывшись, Саша собиралась накраситься, но вспомнила вчерашнее замечание Юрия Анатольевича про осоловевшие глаза и не стала этого делать. Оделась, посмотрела в зеркало и вышла в коридор. Здесь на табурете ее ждал прапорщик — тот, что вчера встречал ее в аэропорту. Он-то и сопроводил Сашу к начальнику тюрьмы.

Только они вошли в приемную, как прапорщика сразу подозвал к себе толстый краснолицый майор. Прапорщик отвлекся, а Саша и нерешительности замерла на пороге открытого кабинета начальника тюрьмы.

Василий Васильевич не заметил Сашу. Он стоял у окна, смотрел на небо, затянутое тучами, и сетовал:

— И погода... мать ее за ногу! Все кости ломит.

Юрий Анатольевич, сидевший чуть поодаль, в ответ вдумчиво процитировал классика:

— В такую погоду хорошо повеситься... Эта фраза подействовала на начальника тюрьмы, как красная тряпка на быка:

— Слушай, ты мне так не шути! — взревел он вдруг и чуть не бросился на своего собеседника с кулаками. — Ты мне друга не вернешь! И, знаешь что, с меня хватит! Ты или забереешь эту сволочь на свои опыты сегодня же, или я сам, своими руками...

Тут взгляд Василия Васильевича упал на Сашу.

— А вот так не надо со мной разговаривать! Речь идет об уникальном феномене, который... — Юрий Анатольевич не закончил фразу, заметив испуг на лице начальника тюрьмы, он тоже оглянулся на дверь.

Саша замерла, едва сдерживая приступ накатившей на нее паники. Эти несколько фраз, этот секундный разговор перевернули все ее существо. Как гром среди ясного неба... В первое мгновение она вспомнила Серого, выписку из его документов — «скончался от воспаления легких». Угроза Василия Васильевича прозвучала абсолютно серьезно. Это не шутка — «Ты мне друга не вернешь! ...эту сволочь, ...я сам, своими руками».

И тут же несколько известных Саше фактов сами собой сложились в единую картину. Странная эпопея с ее высылкой в эту командировку, секретность, недоговоренность, загадочный заключенный без имени, вчерашние бредовые размышления Юрия Анатольевича о воплощенном Люцифере. И теперь эта фраза начальника тюрьмы об «опытах», которые собирается ставить над БЗ-22 его «коллега».

Нет, конечно, Юрий Анатольевич никакой не *коллега* начальника тюрьмы. Он вообще и не из управления исполнения наказаний, и не из МВД, и не из прокуратуры. Это какая-то абсолютно засекреченная правительственная спецслужба, занимающаяся парапсихологическими феноменами. Саша слышала, что подобные подразделения существуют, но раньше ей не верилось, что эти разговоры могут быть правдой.

И какая роль отведена во всем этом Саше?..

— А вы что, уже позавтракали?.. — Василий Васильевич даже поперхнулся от неожиданности.

— Нет, — ответила Саша. — Я решила не завтракать. Если я рано...

Василий Васильевич с Юрием Анатольевичем переглянулись.

— Нет-нет. Просто мы... Все нормально. Здравствуйте! Проходите.

Саша вошла. Незаконченный разговор Василия Васильевича и Юрия Анатольевича словно повис в воздухе. Все напряжены и встревожены.

— Я, видимо, вчера вам нагрубил. Был неправ, — для проформы извинился Василий Васильевич. — Юрий Анатольевич говорит, у вас какие-то результаты есть...

Саша не стала вдаваться в подробности. Она рассказала, что у нее есть данные по одной возможной жертве. Имя — Татьяна, возраст — около 20 лет, способ самоубийства — отравление лекарствами. Особые приметы — не замужем, жила в полной семье (папа, мама), являлась членом какого-то религиозного «братства».

Саша старалась не смотреть на Юрия Анатольевича. Он сидел за столом для совещаний, что-то записывал и одновременно пролистывал сводную таблицу совершенных самоубийств, видимо, специально созданную в рамках этого расследования. Уже через десять минут искомый «объект» был найден.

Это крайне обрадовало Юрия Анатольевича. Он принялся зачитывать некоторые факты Таниной биографии. Саша сделалось дурно, она заново переживала свой ночной кошмар и чуть не расплакалась.

Василий Васильевич продолжал смотреть в окно — ничего не говорил и не комментировал.

И вдруг Саша поймала на себе его тяжелый, напряженный взгляд. В глазах начальника тюрьмы читалась тревога и жалость.

«Он думает, что я следующая», — промелькнуло в голове у Саши.

— Юрий Анатольевич, — сказал Василий Васильевич, — в любом случае этого все равно недостаточно. И для доказательства серийности у нас фактов не будет. Давай, мы это дело прикроем. Составим по нему совместный отчет и отошлем наверх. Пусть решают в конце концов! Ну что мы подвергаем риску сотрудника...

«Он пытается меня защитить, — промелькнуло в голове у Саши. — И избавиться от возможного свидетеля...»

— Во-первых, Василий Васильевич, никакому риску мы никого не подвергаем. Он же у нас не чумой болен! — обозлился Юрий Анатольевич. — А во-вторых, мы просто не можем этого сделать. Процесс запущен, и его нужно довести до конца...

— До чьего конца?! — заорал Василий Васильевич. — Креста на тебе нет!

— Есть. Все на мне есть, — заверил его Юрий Анатольевич. — Все как полагается.

В камере сумрачно. Сквозь маленькое зарешеченное окошко в нее льется серый, словно туман, свет дождливого дня. Потускневшие краски помещения кажутся в этом разведенном молоке еще более блеклыми. 63-22 лежит на постели. Глаза закрыты, руки закинута наверх. Красивое, божественно красивое существо.

Саша не раз замечала, что спящий мужчина неприятен. Мужественность мужчины — во взгляде, в силе его взгляда. И поэтому стоит только мужчине закрыть глаза, как он тут же превращается в тело, в тело мужского пола. Немужественный мужчина некрасив. Глаза 63-22 закрыты. Но его красота от этого не становится меньше. Его сила не в душе, которая рассказывает о себе через глаза, его сила в нем самом. Странная, загадочная сила.

«Вы рождены не для животной доли, но к доблести и к знанию рождены», — 63-22 открыл глаза и буквально пронзил взглядом Сашу. — «Божественная комедия», «Ад», песнь двадцать шестая, строфы сто девятнадцатая и сто двадцатая.

Саша вздрогнула от неожиданности и замерла.

— Хорошая новость: ты нашла ответ к моей задачке, — он поднялся и сел на кровати.

— Откуда вы знаете! — Саша нерешительно отступила назад, натолкнулась на стул и села.

— Ты жива, — просто и буднично ответил 63-22.

— Это значит, что я угадала? — не поняла Саша.

— Я же говорил тебе: не угадаешь — умрешь. Ты думала, я шутил?

63-22 сказал это с такой грустью, что Саше стало не по себе. Впервые за все это время она вдруг ощутила что-то сродни сочувствию. Странно... Сначала, зная об этом человеке лишь с чужих слов, она его боялась. Потом, увидев, сразу же влюбилась, точнее — зажглась. А теперь она впервые его *почувствовала*.

— Нет, я не шутил, — продолжал тем временем 63-22. — Плотская страсть действительно убивает. Страсть алчет смерти — таков закон. Удовлетворение желания — это его отсутствие, а его отсутствие — это и есть его смерть. Само желание — это не более, чем поиск его же удовлетворения. Желание — это то, что ищет своей смерти. В этом суть.

Физическая страсть — страсть физическая. Здесь нет людей *нет человека*. Здесь только «субъект желания» и «объект вождления». Страсть абсолютно эгоистична. Эгоизм — это ослепленность желанием. Человек, объятый страстью, не видит ни того, кого он *любит*, ни самого себя. Это двойное убийство. Страсть всегда алчет смерти.

И только сознание может сказать страсти «нет». Сильное, глубокое, истинное сознание. Только такое сознание способно различить за мишурой слов и поступков самого *человека*, а за своими мечтами и образами — самого себя.

— Но ты ведь просто сказал ей правду... — Саша незаметно для самой себя перешла на «ты».

— Пытаешься меня оправдать? — 63-22 грустно улыбнулся. — Я сказал ей то, что она просила меня сказать. Так что мне не нужны оправдания. Все в своей жизни люди делают сами. Их жизнь — это их жизнь, и она — зеркало. В нем отражается то, что у них внутри.

— Но разве не лучше иногда солгать? — Саша неловко пожал плечами.

— Она не просила меня лгать, — так же неловко пожал плечами 63-22,

Странно — до этой секунды Саша ни разу не видела 63-22 хоть сколько-нибудь смущенным. Он представлялся ей эталоном твердости, олицетворением уверенности, мужественности. И вдруг это неловкое, стеснительное движение. Саша, неожиданно для самой себя, чуть не

заплакала.

Она увидела перед собой совершенно другого человека. Да, этот *мужчина* магическим образом превратился на ее глазах в *человека*. Но глядя на это превращение, Саша не только не разочаровалась в нем, а напротив — испытала к нему прилив какой-то необычайной, трогательной, нежной, буквально душераздирающей симпатии.

— Ты выполняешь все просьбы? — Саша потянула внешние уголки век, чтобы 63-22 не заметил ее слез.

И задавая этот вопрос, Саша вдруг со всей очевидностью осознала, что его — 63-22 — убьют. Не сегодня — завтра. Сейчас она сидит и разговаривает с ним, но завтра она уже не сможет этого сделать. Никак. Его тело превратится в патологоанатомический препарат, а душа — его грустная, его бесконечно большая и бесконечно грустная душа — уйдет.

— Сатана не может не выполнять просьб, — снова улыбнулся 63-22 и посмотрел в окно. — Это Бог позволяет себе подобную вольность в обращении с паствой. Его авторитет незыблем. С таким «кредитом доверия» можно не обращать внимание на мольбы и молитвы.

У Саши сам собою открылся рот.

— Сатана... — заикаясь, Саша протянула каждую букву этого слова.

— Сатана не может быть безбожником. А я — безбожник, — ответил 63-22 и уставился на Сашу.

Он не стал ничего уточнять. Он отшутился. Но теперь своим взглядом он словно бы задавал ей вопрос: «Ты хочешь услышать правду? Попроси». Да, Саше достаточно только спросить, и он скажет, он ответит ей. Вопрос уже висит у нее на кончике языка.

Саша отрицательно покачала головой.

— Не безбожник?.. — улыбнулся 63-22, понимая, что Сашино «нет» относится к вопросу, который она не решилась задать.

Саша с трудом сглатывает слюну. В горле все пересохло.

— Но почему вы сами не разглядели в этой девушке человека? — губы трясутся, но Саша продолжает говорить, вернувшись к прежнему «вы». — Она милая и хорошая. Просто юная.

— Юность не оправдание. И потом, я разглядел, И что?.. — 63-22 делает вид, что не понимает, о чем идет речь.

— Вы же могли помочь ей разобраться, увидеть ошибку? — Саша напряжена до предела. — Наконец, остудить ее страсть!

— Это бы означало, что я делаю ей подарок... — предложения Саши показались 63-22 глупыми и лишеными всякого смысла.

— Но любить — это значит делать подарки... — продолжала настаивать Саша.

— Но ведь я ее не любил... — 63-22 снова повернул голову и посмотрел в окно. — Вспомни себя. Неужели всякий, кто испытывал к тебе чувство любви, ушел от тебя с полной корзиной подарков? Мы одаряем тех, кого любим. Чужая любовь, любовь, которой мы не рады, лишь обременяет. Вспомни себя.

И Саша вспомнила Павла и то, что она сказала ему два дня назад: «Мне нравится думать, что ты, Паша, несчастен. Очень. По крайней мере, больше меня». Он любил ее — она его ненавидела. Она думала, что так не любят, что любят по-другому. Но это она так думала, а он любил ее, любил своей плотской, уничтожающей *человека* страстью. Любил...

Саше стало холодно от этих мыслей. И тут же слова 63-22 снова прозвучали у нее в голове: «Вспомни себя. Неужели всякий, кто испытывал к тебе чувство любви, ушел от тебя с полной корзиной подарков?» Саша обожглась этими словами. Естественно, когда дарит тот, кто любит. Но ждать подарков в ответ на *свою* любовь — это почти безумие. Твоя любовь не дает тебе никаких прав.

— Это, наверное, очень тяжело... — обрывок своих мыслей Саша произнесла вслух.

— Что — «это»? — 63-22 прищурился и улыбнулся.

— Ну, когда все в тебя влюбляются, — засмушалась Саша, ощущая всю глупость и двусмысленность своего положения. — «Человек, объятый страстью, не видит ни того, кого он любит, ни самого себя. Это двойное убийство».

— Влюбляются в меня? — рассмеялся он вдруг. — Нет, это ерунда, право! Забудь обо мне! Все познается в сравнении... Ты подумай — каково Богу! Вот уж кого убили любовью! Самым натуральным образом!

63-22 продолжал смеяться — удивительным, заразительным смехом. А Саше хотелось плакать. В эту секунду ей хотелось рыдать навзрыд, провалиться сквозь землю и умереть. Потому что в этом удивительном, заразительном, необыкновенно добром и светлом смехе она слышала вселенское горе.

Можно было подумать, что так Сатана потешается над Богом, как Саша над Павлом: «Мне нравится думать, что Ты, Бог, несчастен. Очень. По крайней мере, больше меня». Но нет, Сатана не потешался над Богом, он сострадал Ему. Безбожник, страдающий Создателю. Ад — место вселенской скорби о Его муках...

От этой мысли все внутри Саши перевернулось. Сердце защемило, и тут она вспомнила слова 63-22: «Мне Бог не нужен», И в эту же секунду они вдруг поменяли в сознании Саши свое значение, самый их смысл переродился. 63-22 освободил Бога... Он единственный не ждет от Него подарков в обмен на свою любовь.

Бессеребряник, взявший только для вида каких-то тридцать монет...

— Ну что, будешь разгадывать вторую загадку? — 63-22 печально посмотрел на Сашу. — Если тебе нужны доказательства, ты всегда можешь получить их. Но у меня слишком мало времени.

Саша запаниковала. Страх, что она не сможет отгадать, смешался в ее душе с ужасом предстоящего ей испытания — переживания чьей-то смерти. Нет, она не хочет ничего отгадывать, и ей не нужны никакие доказательства.

Но эти слова — «у меня слишком мало времени». Неужели 63-22 знает, что его хотят убить? И он готов умереть? А может, она скажет ему. Откуда ему знать об этих планах? Его бояться здесь, как прокаженного.

Сказать? А вдруг его камеру прослушивают? Нет, нельзя говорить и нельзя отказываться. До тех пор пока она приносит доказательства, остается надежда, что ему сохранят жизнь. Хотя бы надежда.

— Да... — прошептала Саша.

— Что «да»? — грустно улыбнулся 63-22, как бы с подвохом, но на самом деле без всякого подвоха.

— Я прошу, — Саша сказала это так тихо, что даже сама не услышала своих слов.

63-22 лег на кровать, закинул руки за голову, закрыл глаза.

«Я думаю, она была святой, — начал он свой рассказ. — Ее сознание, глубокое, сильное, было мощным противовесом ее страсти. Это ведь только кажется, что чувства — что-то такое, что следует выставлять напоказ. Нет. Они обижают, досаждают, создают напряжение, стесняют, заставляют других людей к вам приноравливаться.

В чувствах, даже хороших, не говоря уже о плохих, нет ничего, что позволило бы ими восхищаться. Чувства — это животная реакция. Вот событие, вот впечатление, а вот реакция — то есть чувство. Глупо. Как рефлекс у лягушки. Если бы мозг лягушки весил, как и мозг человека, она бы реагировала так же. А человек, истинный человек, — это не трепетание чувств,

это сознание, стремящееся к свету истины. Таков план *создания*.

Прекрасные «душевные порывы», которыми некоторые так гордятся, только *порывы*. В них нет внутренней силы, в них нет осмысленности, личного решения. Это лишь бессмысленный всплеск. Красивый, но бессмысленный. Истина нуждается в силе — не в импульсе, а в поступательном движении вопреки сопротивлению обстоятельств.

Она была такой — по-настоящему сильной. Ее звали Лита. Странное имя, от греческого *litos*, что значит — камень.

— Я прошу только об одном, будь честным со мной, — сказала она мне как-то.

— Я выполню любую твою просьбу, — ответил я.

— Ты ведь не любишь меня, правда? — ее голос дрогнул, но она смотрела на меня, и в ее глазах была любовь.

— Правда, я не люблю тебя. Прости.

— И если этого нет, то не будет никогда?.. — она едва сдерживала слезы, но в ее глазах по-прежнему была любовь и невероятная нежность.

— Никогда.

— Тебе плохо от того, что ты живешь со мной? — слеза покатила по ее щеке, но она оставалась спокойной и нежной.

— Мне плохо от того, что тебе плохо.

— Мне не плохо, я люблю тебя... — ответила Лита,

— Это неправда.

— Да, это неправда, — Лита утерла слезы. — Мне плохо. Верно, я жду, что ты все-таки полюбишь меня. Когда-нибудь. Хоть чуть-чуть. Это неправильно. Я знаю. Я как бы обязываю тебя, а это дурно, скверно. Нельзя обременять того, кого любишь.

Лита смотрит в пол, в сторону, но только не на меня.

— А если ты узнаешь, что я не могу этого сделать? Совсем. Никогда.

— Я умру, — ответила Лита. — От тоски.

— Но я здесь, я рядом с тобой. У тебя есть то, что тебе нужно. А ты хочешь большего, ты хочешь невозможного. Лита, зачем ты создаешь безвыходную ситуацию?

— Безвыходную ситуацию, — повторила она за мной, словно шла тенью за моим сознанием. — Я все понимаю, сердцу не прикажешь.

— Дело не в моем сердце.

— Не в сердце? — Лита встрепенулась, печаль в ее глазах сменилась растерянностью. — Но в чем же тогда?!

— Дело в твоём сердце. И она ушла, совсем. Какой была ее причина? Ответь, и у тебя будут доказательства».

Саша плакала. Тихо роняла слезы. Они сбегали по ее щекам, неприятно задерживались па губах и на подбородке, а потом падали в открытую ладонь. Почему она плакала?.. Сложный вопрос.

Обычно люди плачут, потому что им жалко себя. Даже когда они оплакивают кого-то другого, они, на самом деле, плачут о себе. Они могут жалеть себя, потому что никогда больше не увидят того, о ком плачут. За этой жалостью может стоять страх — чужая, тронувшая их беда когда-нибудь может приключиться и с ними. Наконец, человек часто плачет просто от безысходности, от пустоты. Нам жалко себя, когда мы осознаем свое несчастье и свою конечность.

Какая причина была у Сашки? Да, наверное, ей было жалко себя. Она слушала историю о безответной женской любви, и ей было жалко эту женщину, утратившую надежду на счастье. Ей

было жалко его — 63-22, потому что он тоже был несчастен. Но главное — она плакала, потому что сама была несчастна. Она отчетливо поняла это только сейчас.

Еще вчера она смотрела на него, как на самого желанного мужчину на свете. Она была в восторге! До дрожи! Она даже думать не хотела о том, что с ней происходит. Она была как зверек — возбужденный, голодный и безумный. И ей не было страшно. Абсолютно! Она была счастлива. Она знала, чего хотела. Это было вчера...

А сегодня Саша вдруг увидела в нем, в этом «сексуальном объекте», человека. Пелена ее желания расступилась, и перед ней появилась личность — незаурядная, тонкая и красивая. Он был красив в том, как он думает, чувствует. И даже если эти чувства казались Саше странными, они все равно притягивали ее. Она почувствовала родную душу.

И что?! Что с того?! Вот сейчас эта родная душа лежит перед ней на кровати. И ей, этой душе, абсолютно безразлична Саша. Ей все равно, что Саша думает, что чувствует. Она самодостаточна. И поэтому в какой-то момент Саша, вне зависимости от того, любит она эту душу или нет, должна будет тихонько собраться и удалиться.

Можно, наверное, смириться с тем, что твоя страсть — блажь и глупость. Как болезнь, как временное помешательство. Рано или поздно это пройдет. Если в тебе достаточно внутренней силы, ты справишься. Главное понять, что ты просто запутался и дальше выбирать. Конечно, это не повод, чтобы чувствовать себя несчастной!

Но как быть, когда ты все понимаешь, а выхода все равно нет? Ты бережешь любимого, видишь в нем человека, пытаешься ему не досаждать своими чувствами, ценишь его свободу и право быть тем, кто он есть. Но легче от этого все равно никому не становится! Замкнутый круг. Несчастье с соблюдением принципов дипломатии.

Не лучше ли уж сгореть от страсти? Взять от жизни все, что можно, а потом сгинуть где-нибудь и не жалеть ни о чем?..

Так о чем же плакала Саша? О своем выборе?..

Она открыла глаза и уставилась на 63-22: «Господи, какой красивый... какой любимый. А они убьют его. Из мести, из страха, из зависти. Все равно. Не важно, почему. Они сделают это. И его больше не будет. Совсем. Его не будет. Никогда. — Саша разрыдалась в голос. — Хотя бы знать, что он просто жив... Просто знать... Глупый, жестокий, несправедливый мир...»

Только Саша вышла из камеры 63-22, как ее тут же попросили к Василию Васильевичу. Нужно было немедленно прийти в идеальную форму.

— Разрешите? — спросила Саша, приоткрыв дверь в кабинет начальника тюрьмы.

— Что-нибудь есть? — спросил Василий Васильевич, не поднимая головы от бумаг.

— Да, — сухо ответила Саша. — Женщина по имени Лита. Тесок среди самоубийц у нее, наверное, не много, так что можно...

— Я справлюсь, — оборвал ее Василий Васильевич. — Может быть, на этот раз будет порезультативнее.

— В каком смысле? — не поняла Саша.

— А в таком, что жива ваша Таня, — Василий Васильевич поднял голову и посмотрел на Сашу. — Жива-живехонька!

— Как это жива?

— А вот так! Ошибочка в документах вышла. Откачали ее. Незавершенный суицид. Какой-то дурак со «Скорой помощи» подал, видать, данные нечетко, а другой дурак-статистик перепутал их со сводкой из судмедлаборатории. Не знаю. Другого нет объяснения.

Ужасно глупо, но Саша перепугалась. Она поняла, что значил этот тон — наглый, нахрапистый. Василий Васильевич празднует победу. Сейчас он уест Юрия Анатольевича и

приступит к реализации своего плана. 63-22 доживает свои последние часы.

Саша с трудом взяла себя в руки:

— Да, странное дело. Ну ладно. Я пойду отдохну, а вечером, если не возражаете, проведу третий допрос.

— Вечером? — видно было, что Василий Васильевич, мягко говоря, не обрадовался этой новости. — А надо ли?..

«Он хочет сделать это сегодня же вечером, — мелькнуло в голове у Саши. — Надо его как-то успокоить и потянуть время. Как свидетель я ему не нужна...»

— Хочу, Василий Васильевич, побыстрее домой вернуться, — пожаловалась Саша. — Да и что мне тут делать, если эта свистопляска продолжится? Так что, если и в третий раз никакого проку, то, может, я завтра и поеду уже? Чего ловить-то?

— А-а-а... Вот как. Хорошо. Тогда сегодня проводите еще один допрос, а завтра, прямо с у... — Василий Васильевич осекся, слишком очевидным выглядело его намерение сплавить Сашу. — Ну в общем, а завтра посмотрим.

— Очень хорошо, — Саша изобразила из себя дурочку с переулочка. — Спасибо вам большое, Василий Васильевич! Как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше. Ну я пошла?

— Иди, дитяtko, иди, — Василий Васильевич прищурил один глаз и внимательно посмотрел на пятившуюся к двери Сашу.

Юрий Анатольевич подждал Сашу в коридоре.

— Пойдемте ко мне, — шепотом сказал он.

— Вы по поводу Тани? Что данные не подтвердились? — спросила Саша.

— Нет, — отрубил тот. — В смысле — да. В общем, пойдемте. Пожалуйста.

Они поднялись на этаж выше и подошли к кабинету Юрия Анатольевича. Саша заметила, что на ней не было таблички. Характерный почерк спецслужб. Они не любят ни подписываться, ни таблички на кабинетах вешать. В лучшем случае — номера. А чаще и без номеров обходятся. Кому надо, тот знает. А кому не надо — тому и не надо.

— Вы...

— Что? — Саша попыталась поймать взгляд его бегающих глаз.

— Вы не знаете, как он это делает?

— Делает что? — якобы не поняла Саша.

— Ну, это... — Юрий Анатольевич как-то странно качнул головой.

— А зачем вам? — усмехнулась Саша. — Для личных нужд?

— Нет, не для личных.

— А для каких тогда?

Саша вся напряглась. Если он расскажет ей все как есть, она наверняка сможет повлиять на ситуацию! А положение у «товарища Юрия» отчаянное — задание получил, выполнить его не может, а «союзники» в виде местного начальства грозятся ликвидировать «объект». Вместо премии к ордену можно будет и по шапке получить.

— Нет, для личных, — поправил себя Юрий Анатольевич.

— Если для личных, то не беспокойтесь. В вашем случае этот рецепт не сработает.

Саша развернулась и снова направилась к выходу. Она поняла, что должна вести себя максимально жестко. Ей предстоит торговаться, а поэтому противник должен чувствовать ее силу.

— Да постойте же! — от отчаяния чуть не закричал Юрий Анатольевич. — Один вопрос. Пожалуйста, ответьте мне на один вопрос. Вы что, не влюбились в него?

— А что, так заметно? — Саша уставилась на Юрия Анатольевича.

Она надела на свое лицо гримасу — мол, иначе и быть не могло. Она лучший сотрудник. Она все может и, конечно, она не теряет головы.

— Но это как-то странно... — протянул тот,

— Что вы хотите, чтобы я у него узнала? Только начистоту. Мы можем заключить сделку.

— Сделку? — удивился Юрий Анатольевич. — Что вы имеете в виду?

— Юрий Анатольевич, — Саша разыграла высокомерную любезность, — я не хочу более здесь находиться. Мне здесь все не нравится. И я устала. Если вы перестанете играть со мной в эту идиотскую секретность и расскажете все, как есть, я вам помогу и уеду. Право, я очень хочу уехать отсюда. Тут просто неприятно.

Секунду Юрий Анатольевич стоял в нерешительности и нервно тряс рукой. Он явно мучился дилеммой — рискнуть, и все рассказать, или же играть дальше, как ни в чем не бывало. Но в конце концов эта Александра — толковая баба, до всего сама дошла. А этот Василий Васильевич прицепился же, сволочь, к неточности в таблице...

— Хорошо, — сказал Юрий Анатольевич и мысленно перекрестился.

— Только без дураков, — пригрозила Саша. — Если пойму, что дурачите меня, я вас жалеть не буду, Юрий Анатольевич.

— Ну, мать! — Юрий Анатольевич оторопел. — Ты вообще, в своем уме, такое говорить?! Я же тебе не...

— Я свое слово сказала, — Саша сделала движение, что, мол, не хотите, как хотите.

— Ладно, ладно. Договорились, — пошел на попятную Юрий Анатольевич. — Просто и по-другому можно... По-человечески.

— Не тяните резину. Кого вы представляете?

Юрий Анатольевич подтвердил все Сашины догадки. Это действительно секретная правительственная служба, которую совершенно не интересуют преступления 63-22. Она изучает парапсихологические феномены, чтобы использовать их в государственных целях.

Например, правительство может серьезно сэкономить на обороне, если экстрасенсы докажут, что при необходимости они обезвредят ядерное оружие противника. В принципе, это возможно, ведь ясновидение, левитация, телепатия, телекинез и другие парапсихологические феномены существуют. Проблема только в их управляемости.

В высших сферах идет борьба: в одном лагере ратуют за привлечение парапсихологов, в другом — категорически против. Когда появился «Люцифер», аргументы первых обрели необычайный вес. Но наиболее отчаянные головы пошли дальше. Версия о том, что «Люцифер» — воплощенный Дьявол, рассматривается ими совершенно серьезно.

— Это бред какой-то! — вырвалось у Саши.

Она понимала — все, что рассказывает Юрий Анатольевич, правда. Сумасшедших везде предостаточно, а в правительстве — тем более. И желание решить сложные проблемы каким-то «простым» способом понять можно. Но все же, как-то глупо всерьез говорить о том, что Дьявол способен материализоваться?.. Ерунда какая-то.

— Мне тоже сначала не верилось, — отозвался Юрий Анатольевич. — Но факты!

— Какие факты?! — чуть не рассмеялась Саша. — Какие могут быть факты, доказывающие демоническую природу конкретного человека?

— Очень простые — его воле невозможно препятствовать. Никто не может ему сопротивляться. Вы знаете обстоятельства его задержания?

— Откуда мне знать? — пожала плечами Саша.

— Его брали спящим, сразу надели на него маску и исключили возможность каких-либо контактов с неподготовленными сотрудниками, — захлеб рассказывал Юрий Анатольевич. — Потом уже работали лучшие из лучших. Чем это закончилось, вы знаете,

— И чего вы от него хотите? — спросила Саша, когда узнала все, что считала нужным.

— Нам с вами только одно нужно, чтобы он пошел на переговоры, — ответил Юрий Анатольевич. — Он нужен в качестве союзника. Детали мне не известны...

— Союз с Люцифером? — Саша еле сдержалась, чтобы не рассмеяться.

Она представила себе, что влюбилась не в 63-22, а в Дьявола. И ведь если бы он — 63-22 — предложил бы ей обвенчаться, она бы, не раздумывая, согласилась. У нее был бы «союз» с Дьяволом. Интересно, она бы превратилась от этого в ведьму? И какой по счету она была бы у него супругой...

У Саши начиналась истерика. Внутри все дрожало. Сердце стучало как сумасшедшее. Нервы были на пределе. Безумие в ней, безумие вокруг нее. Чехарда чувств, глупость окружающих ее людей, и ощущение подступающего отчаяния. Все это месиво пульсировало у Саши в душе, словно гигантская помпа.

Едва закончив разговор с Юрием Анатольевичем и пообещав ему всемерные помощь и содействие, Саша бросилась искать телефон. Ни из одного кабинета сделать свой звонок она не могла. Нужно было найти место, откуда служащие зоны звонят своим родным. К счастью, задача решилась просто — этот «переговорный пункт» находился прямо рядом со столовой, куда Сашу сопроводили на обед. Дрожащей рукой Саша набрала номер:

— Алло! Алло! Валентина Петровна, миленькая, здравствуйте! Соедините меня с Николаем Ивановичем. Да, это срочно! Случилось. Да.

Через минуту Николай Иванович взял трубку:

— Саша, что у тебя?!

— Николай Иванович, выручайте! Мне нужна бумага...

Саша просила Николая Ивановича добиться появления бумаги, временно отстраняющей от работы сотрудника одной спецслужбы «Х». И обязывающую ее — Сашу — принять на себя заключенного учреждения ПСТ 87/6 № 63-22. Саша попыталась объяснить причины, но Николай Иванович прервал ее:

— Что значит «принять на себя»? — до этого лишь встревоженный голос Николая Ивановича вдруг стал злым.

— Под мою ответственность, — обмерев, ответила Саша.

— Ты в своем уме, Сашка?! Ты понимаешь, о чем ты просишь?! Я так и думал! Думал, что чем-то таким дело и кончится!

— Это вопрос жизни и смерти...

— Да какого рожна он тебе сдался?! Ты совсем что ли сдурела?! Пусть делают с ним, что хотят! — кричал в трубку Николай Иванович.

— Это вопрос *моей* жизни и смерти, папа.

«Папа» вырвалось у Саши как-то само собой. Она никогда не называла так Николая Ивановича, а теперь вдруг назвала.

На том конце провода воцарилась гробовая тишина.

— Жди, — ответил Николай Иванович через минуту.

В трубке раздались гудки.

Саша вернулась в свою комнатенку, чтобы перевести дыхание. Сжавшись комочком на кровати, она попыталась сосредоточиться. Нужно что-то решать, нужно что-то делать. Но что?! Может, плюнуть на все, затаиться и пусть оно себе идет как идет. Нет, этого она не выдержит. Действовать!

Господи, как же она его любит! Проклятье, проклятье! И вдруг в ее сознании снова всплывают образы. Саша опять вспомнила своего учителя. Вспомнила, как он рассказывал о любви...

«Любовь — это испытание. Она испытывает дух человека. Да, если вы достаточно разумны, если вы способны опираться на свое сознание, вы можете совладать со страстью. Но что дальше? Обозлиться на весь белый свет, поставить на себе крест и спрятаться? В монастырь? В глушь? В Саратов?

Нет, если вы по-настоящему любите человека, нужно пройти весь этот путь до конца, а не бежать прочь, поджав хвост, при первых взрывах петард. Просто идите вперед, делайте то, что должны делать, то, что подсказывает вам сердце. И ничего не бойтесь. Да, любовь — это испытание. Но испытание, которое делает вас сильными».

Саша тогда удивилась: «А чего бояться, если ты любишь? Когда любишь, наоборот, ничего не страшно».

«Это правда, — ответил ее учитель. — Но если все идет не так, как ты ожидаешь? Разве это не напугает тебя? Или если ты сталкиваешься с чем-то, что никак не можешь понять? Разве это не вызовет у тебя сомнений?

И наконец, если ты не видишь ничего кроме своей любви? Разве не станешь ты держаться за нее, как за спасательный круг? В таком состоянии влюбленные забывают, что обеими ногами они все еще стоят на земле и им просто некуда падать.

Паника — вот чувство, которое сопровождает любовь, потому что любовь — это встреча с неизвестным. Неизвестным Другим, неизвестным самим собой. Любить страшно. А испугаться любви — значит предать».

Саша задумалась: «Ничего не видишь, кроме своей любви?..»

«Да, — ее учитель кивнул головой и снова начал говорить о своих любимых экспериментах. — Если запустить животное в лабиринт, оно испугается и бросится искать выход. По лабиринтам бегают мыши, кролики, собаки.

И даже люди, Саша, только у них особенные лабиринты — это лабиринты чувств. Сначала ты в них, словно слепец, — ничего не знаешь. Но постепенно узнаешь себя, и тебя уже трудно удивить. Ты заранее знаешь, где выход. Но иногда...»

«Что иногда?..» — спросила Саша.

«Но иногда, — грустно улыбнулся ее учитель. — Иногда ты можешь потеряться».

«Потеряться? — удивилась Саша. — Потому что это лабиринт?»

«Правильно, именно поэтому, — подтвердил учитель. — Но где любовь, там и Бог, Саша. А Бог всегда над лабиринтом. И если ты запутался, вспомни о том, что лабиринт находится в чем-то большем. Всегда есть что-то большее. "Нужно только суметь это увидеть».

Сашины глаза были закрыты. Она увидела себя в большой, просторной квартире. Все в ней очень красиво, изящно и стильно. Ей навстречу выходит 63-22.

— Ты пришла, Лита? — спрашивает он, появляясь из гостиной.

— Да, пришла, — отвечает Саша и смотрит ему в глаза.

Она смотрит ему в глаза и ей стыдно. Ей стыдно за то, что она здесь. Ей стыдно за то, что она пользуется его добротой и отзывчивостью. Он не любит ее. Так случается. Но он разрешает ей быть с ним. Он позволяет себя любить. Трагедия, сотканная из лоскутков счастья.

— Я прошу только об одном, будь честным со мной, — говорит Саша.

— Я выполню любую твою просьбу.

Это правда — он выполняет любую ее просьбу. Только он ее не любит. Уважает, ценит, дорожит, бережет, заботится о ней, но не любит.

— Ты ведь не любишь меня, правда? — ее язык не слушается, не хочет этого говорить.

— Правда, я не люблю тебя. Прости.

Видно, что ему больно, он не хочет ее ранить. Он открыт и честен, как всегда, как она хотела. Разве было бы лучше, если бы он лгал? Нет. Она бы все равно поняла, но чувствовала бы себя грязной. Ему больно говорить это. Но он говорит, чтобы она не чувствовала себя грязной. Он делает то, что она сама у него попросила.

— И если этого нет, то не будет никогда?.. — Саша с трудом сдерживает подступающие слезы.

— Никогда.

Господи, зачем ей эта правда?! Нет, лучше быть зверушкой, которая ничего не понимает и рада любой ласке. Какая разница, почему тебя ласкают. Это приятно. Наслаждайся, получай удовольствие. Почему она принуждена думать?! Кто взвалил на нее этот крест?!

— Тебе плохо от того, что ты живешь со мной? — Саша чувствует, как слеза бежит у нее по щеке.

— Мне плохо от того, что тебе плохо.

Ему плохо от того, что ей плохо. Это так. Раньше она хотя бы радовалась ему. Теперь она не может и этого. Она любит с горечью. И в этой страшной смеси ей принадлежит любовь, а ему — только горечь.

— Мне не плохо, — соврала Саша. — Я люблю тебя...

— Это неправда, — он сказал это так, словно бы смотрел ей в душу.

— Да, это неправда, — Саша утерла слезы. — Мне плохо. Верно, я жду, что ты все-таки полюбишь меня. Когда-нибудь. Хоть чуть-чуть. Это неправильно. Я знаю. Я как бы обязываю тебя, а это дурно, скверно. Нельзя обременять того, кого любишь.

Саша смотрит в пол, в сторону. Она согласилась бы сейчас смотреть на солнце, выжигая глаза, но только не на него. Она все понимает, ей стыдно, она стораает со стыда. Но мечта... Эта жестокая, эта нелепая, эта манящая и одновременно умерщвляющая ее мечта.

Отсканировано : <http://www.gifik.narod.ru/> :: Вордовская версия <http://ki-moscow.narod.ru/>

— А если ты узнаешь, что я не могу этого сделать? Совсем. Никогда.

Он хочет образумить ее, лишить надежды. Он хочет вернуть ей жизнь. Он пытается спасти ее душу. Так хирург отрезает гноящуюся конечность, чтобы оставить человека в живых, И Саша бы образумилась, сделала этот прыжок из опаляющего огня в вечную мерзлоту. Но она не хочет такой жизни — жизни без него.

— Я умру, — ответила Саша. — От тоски.

— Но я здесь, я рядом с тобой. У тебя есть то, что тебе нужно. А ты хочешь большего, ты хочешь невозможного. Лита, зачем ты создаешь безвыходную ситуацию?

— Безвыходную ситуацию, — эхом повторяет Саша. — Я все понимаю, сердцу не прикажешь.

Она пробежала по своему лабиринту от начала и до конца. Конец оказался началом. Она запуталась.

— Дело не в моем сердце, — говорит 63-22.

— Не в сердце? — Саша встрепенулась, не понимая, о чем он говорит. — Но в чем же тогда?!

— Дело в твоём сердце, — 63-22 смотрит на нее своими синими, синими-синими глазами.

Правда. Страшная правда. Ее сердце алчет, она хочет его желания. Она хочет, чтобы он хотел. Стремление к невозможному до предела обостряет чувства. Схватка не на жизнь, а на смерть. Но разве неизвестно, что жизнь все равно в конце проигрывает?..

Саша хватает свое пальто и выбегает из его квартиры. Дороги и перекрестки. Говорят, Бог создал дороги, а Дьявол — перекрестки. Парадоксально, она чувствует себя в руках Дьявола, но проблема в обратном — она не может свернуть со своей дороги. Свернуть бы... Найти в себе силы и свернуть.

Ее дом. Ее подъезд. Лифт. На двери инструкция: «Перед посадкой в лифт, убедитесь, что кабина лифта перед вами». Смешно. И вдруг, словно кто-то хватает ее за руку. Шахта лифта. Залезть туда, прыгнуть, лечь, распластаться внизу и ждать. Ждать, пока кто-нибудь нажмет кнопку «Вызов».

А в квартире — газ, люстры на крепких стальных крюках, электрические приборы, воткнувшиеся в розетки. Балкон — седьмой этаж. Старая, оставшаяся еще от бабушки аптечка. Ножи и ванная с горячей водой. Сашин мир превратился в Ад, где все — каждый предмет, каждая частичка жизни — предлагает выход. Выход в смерть.

Саша боится ступить в свою собственную квартиру. Она останавливается в прихожей и, не снимая пальто, ложится на пол. Умереть прямо здесь. Лежать так и больше не вставать никогда. Писать письмо? Попроцаться? Поблагодарить? Объяснить? Сказать, чтобы никого не винили? Или же нет, не нужно...

Шкаф-купе сплошь зеркальный. Саша вглядывается в свое лицо и не узнает. Ах да, это не Саша, это Лита. Камень. На душе камень. Она с силой бросает в стекло попадающиеся ей под руки вещи. Оно трескается и осколками летит вниз. Саша подбирает один из них и подносит к горлу.

«Сейчас здесь будет кровь», — думает Саша и рассматривает свое отражение в осколке зеркала.

А оттуда на нее смотрит молодая красивая женщина. На Сашу-Литу из зеркала смотрит просто Саша.

— Ты запуталась в лабиринте, — говорит ей Саша.

И Лита с глазами Саши отвечает ей:

— В моем лабиринте все понятно. Вход там же, где и выход. И долгий путь от первого ко второму.

— Но почему ты думаешь о смерти? — спрашивает Саша.

— Потому что за выходом — пустота, — отвечает Лита.

— Неправда, Лита, за выходом — жизнь, — улыбается отражение. — Это ведь только лабиринт твоих чувств. Это не лабиринт жизни. Представь себе, что этот лабиринт — маленькая лодочка, покачивающаяся на волнах жизни. Жизнь — это всегда что-то большее...

— Что-то большее?.. — задумалась Лита. — Ты хочешь сказать, что мне нет нужды умирать?

Саша смеется и из осколка зеркала с нежностью смотрит на Литу:

— Нет, я говорю что-то другое — тебе даже нет нужды избавляться от своего чувства. Пойми, оно — лишь маленькая часть тебя. Красивая, прекрасная часть, но еще далеко не вся жизнь. Твоя жизнь — больше.

Лита плачет, чувствуя освобождение. Она подносит к лицу осколок зеркала и целует себя в губы. Незачем искать выход из жизни. Жизнь продолжается...

По пути на третий допрос к 63-22 Саша встретила Юрия Анатольевича. Он схватил ее за руку и затараторил: «Не заставляйте меня думать, что вы с ним в сговоре! Данные по вашей Лите тоже ошибочные. Та же ерунда, что и с Татьяной. Он словно знает, где в документах ошибки, и водит всех нас за нос. Пока эффекта от вашей работы — ноль! Это может кончиться плохо. Очень плохо! Вы мне, конечно, не поверите, но начальник тюрьмы думает его

убить. За друга мстит. Идиот. Если вы и сейчас не получите никаких данных,

я просто не знаю, что мне делать. Мы же тут все у него, как заложники... Пока я здесь, я даже наступать на него боюсь. Он просто прихлопнет меня, как муху, и дело с кониод». Саше стало страшно. «И он не только меня убьет, он и тебя убьет!» — пообещал Юрий Анатольевич Саше, когда они подошли к двери камеры.

— Когда мы очутились за порогом, брошенным из-за любви дурной, ведущей души по кривым дорогам, дверь, загремев, захлопнулась за мной; и оглянись я на дверные своды, что б я сказал, подавленный виной? — 63-22 сидел за столиком, уронив голову на руки, и цитировал Данте. — «Божественная комедия», «Чистилище», песнь десятая, строфы с первой по шестую.

— Я жива, — тихо сказала Саша. 63-22 ничего не ответил.

— Я разгадала вторую загадку, — продолжила Саша, содрогаясь от каждого своего слова. — Страсть ослепляет. Сознание возвращает зрение. Но чтобы видеть, этого недостаточно. Нужно смотреть сверху, а не из себя. Нужно быть больше.

Саше казалось, что она сдает экзамен на право жить. Но 63-22 продолжал молчать.

— Мне кажется, я теперь понимаю, как жить, — сказала Саша и съежилась. — Но я боюсь, Я боюсь, что с вами... Что с тобой... Я боюсь твоей смерти.

— Саша, — 63-22 поднял голову и посмотрел на Сашу заплаканными глазами. — Почему ты оставила своего Учителя?

— Учителя? — не поняла Саша.

— Ты оставила своего Учителя, — повторил 63-22. — Почему ты это сделала?..

— Учителя?.. Моего?.. — Саша не могла поверить, что 63-22 знает об ее Учителе. — Мне показалось, что он не понимает меня.

— Он сказал: «Ты еще не пережила того, что открыло бы тебе истину о себе». И ты разочаровалась. Ты подумала: «Да что он обо мне знает?! Что он себе возомнил?! Это я-то и не пережила?! Да он, вообще...» А он был прав...

Саша растерялась. Она смотрела на 63-22 и не верила своим ушам. Откуда он все это знает?

— Легко других учить жить правильно Саша. Трудно самому так жить. Ты спасла жизни двум девушкам, — 63-22 встал, повернулся к Саше спиной и уставился в зарешеченное окно своей камеры. — Ты вернулась в прошлое, одолжила им свою душу, и они нашли правильные решения.

— Вернулась в прошлое? Заняла им душу? Спасла жизнь? — Саша снова не верила своим ушам. — Это что, не ошибка в документах? Они действительно были мертвы?! Не может быть...

63-22 повернулся и посмотрел на Сашу, как на человека, сказавшего какую-то отчаянную глупость. От этого взгляда Саша вся съежилась.

— Саша, — покачал головой 63-22, — время — иллюзия, его нет. Я знаю, ты не можешь думать иначе, кроме как во временной перспективе, но это проблема твоего мышления, и только. Это никак не связано со временем. Прошлое, настоящее, будущее — это сказка для разума. Каждое событие жизни происходит в каждый миг. Всегда. Сейчас я смотрю тебе в глаза, и, поверь мне, это длится вечность.

Твоя любовь «сейчас» и твой страх «тогда» будут с тобой до окончания времен. И только если ты вернешься в свое прошлое и изменишь его, этот страх покинет тебя навсегда. Каждую секунду мы меняем свое будущее. Каждый твой новый поступок делает твое будущее другим. И как ты постоянно меняешь свое будущее, точно так же ты можешь изменить и свое прошлое.

— Я могу изменить свое прошлое?.. — Саша почувствовала, как трагический крик застрял у нее внутри.

— И если ты не хочешь умереть, тебе придется это сделать, — 63-22 отвернулся, но Саша

успела заметить, что после этих слов синие глаза 63-22 снова наполнились слезами. — Потому что третья история о тебе.

— Обо мне?! — Саше вдруг показалось, что все это шутка, какой-то дурацкий розыгрыш. — Но я ведь не из списка умерших?!

— Сегодня ты в нем будешь, — 63-22 произнес эти слова так тихо, что Саше показалось, будто бы он и не говорил этого вовсе, но они сами прозвучали у нее в ушах.

— Все это звучит так, словно бы в Аду... А ты — искушающий меня Дьявол? Люцифер?.. — Сашу колотило, словно от электрошока. — Но ведь это не так?..

— Что такое Ад? — 63-22 развел руками. — Данте говорит, что Ад — это обитель душ, не готовых к раскаянию. Но скажи мне, разве влюбленный человек, не желающий противиться своему чувству, должен вечно пребывать в Аду? Неужели невинный ребенок Таня заслуживает мук Ада? Или может быть, ты считаешь, что Лита, для которой любовь важнее жизни, должна быть в Аду? Ты готова отправить их в Ад?

— Нет, они не заслуживают этого... — прошептала Саша.

— А Данте отправил бы их в Ад. Но правда в том, что между Адом и грехом столь же мало общего, как между грехом и любовью, — сказал 63-22. — Данте не знал настоящего Ада. Совсем. Ведь Ад — это место, где Бог не нужен. И в этом Аду я.

— Пожалуйста, — взмолилась Саша. — Пожалуйста, объясни мне это! Мне очень важно знать! Что значит, тебе не нужен Бог?!

— Есть люди, которым нужен Бог, Он нужен всем, у кого есть мечта. Они надеются и уповают. А это и есть вера — в Бога, в силу, которая дает человеку то, что ему нужно. Но что, если у тебя нет мечты?.. Вообще никакой. Ни мечты, ни желания, ни надежды, ни единого стремления? Ничего... Зачем тебе Бог? Ад — это, когда Господь дает тебе все, что ты хочешь.

— Это почти невозможно понять... — прошептала Саша.

— Люди задаются вопросом: «Зачем я живу?» Они хотят знать, в чем смысл их жизни. И они начинают искать. Они ищут любви, богатства, славы, бессмертия. И у них появляется некая иллюзия смысла жизни. Они, как им кажется, понимают, зачем они живут. А что, если у тебя все это есть?.. Как быть тогда? Зачем жить?

— Но разве это так важно знать? — Саша боялась даже подумать о том, что 63-22 скажет дальше. — Ведь можно просто жить...

— Просто жить? — рассмеялся 63-22. — Вечность? Не пытайся быть милой. От правды не спрячешься. Знаешь, я с удовольствием пошел в эту клетку. Она позволила мне лучше рассмотреть клетку, в которой я скован на самом деле. И теперь я собираюсь из нее выпорхнуть.

— Умереть... — от внезапного головокружения у Саши все поплыло перед глазами.

— Найди для меня смысл жизни, — 63-22 посмотрел Саше прямо в глаза. — Спаси себя. Это третья — последняя загадка.

Когда Саша вышла из камеры, охранник попросил ее следовать за ним. Он ввел ее в другую камеру, этажом ниже. Саша огляделась, а за ее спиной послышался лязгающий звук дверного засова.

— Что вы делаете?! — закричала Саша. — Откройте немедленно!

Ответа не последовало. Лишь через полчаса в камере появился Василий Васильевич Понурий, напряженный, с армейской фляжкой питьевой воды в руках.

Саша потребовала объяснений и получила их. Начальнику *такой* тюрьмы не нужны никакие осложнения, а все телефоны в ней прослушиваются. И нужно думать, прежде чем ты что-то делаешь. Впрочем, если она и Юрий Анатольевич — с учетом дела, которым они занимаются, — «как-то умрут», это ни у кого не вызовет подозрений...

Саша не верила своим ушам. Василий Васильевич прослушал ее телефонный разговор с Николаем Ивановичем и теперь собрался ее убить!

— Вы в своем уме?.. — Саша попыталась заглянуть ему в глаза, но у нее не получилось.

— Зачем? Я понимаю, что назревает скандал, что ситуация непростая, но вы же говорите о жизнях людей? Грех же это...

— Я знаю, что такое грех, — оборвал ее Василий Васильевич. — Лгать — грех, предавать — грех, прощать обиду — грех. А жизнь... Если всем позволить жить, это черт знает что получится. Так что меня ничья смерть напугать или остановить не сможет. Слишком много я этого добра видел. Но позора я не стерплю, и терпеть не буду.

— Какого позора?! О каком позоре вы говорите?! — Сашу затрясло, начальник тюрьмы рассуждал так, как обычно рассуждают серийные убийцы.

— И его я тоже убью, — сухо ответил Василий Васильевич и вышел из камеры.

Саша заметалась в четырех стенах, будто раненая птица. Все происходящее казалось ей сущим безумием. Этого просто не может быть. Как кто-то может решать — жить ей или нет? Какие-то средние века!

Ну мало ли, влюбился его друг в 63-22? Ну и что?! Что с этого?! Не по-мужски?.. Глупость! Причем здесь этот «позор» и Саша? В конце концов она ведь не кто-нибудь, она — следователь, эксперт. Она здесь в командировке...

И вообще, как можно убить 63-22? Это нелепо, абсурдно. Саше захотелось пить, она схватила оставленную начальником тюрьмы флягу. Холодная вода. Саша делала жадные глотки. Быть может, это только сон? Нужно просто проснуться.

«А зачем он приходил? — Саша вздрогнула. — Объяснить причины своего поступка? Нет. Зачем? Это нелепо. Что-то сказать? Но ничего особенного не прозвучало...»

Саша отняла от губ флягу и уставилась на нее. Яд. Он приходил ее отравить.

Сколько прошло времени — час, два или три? Трудно сказать. Сашу лихорадило. Во фляге был не яд, как она подумала сначала. В ней была какая-то инфекция.

Совпадение. Саша уже вспоминала сегодня эту фразу, причем, именно в кабинете начальника тюрьмы — «скончался от воспаления легких». Это было в документах Серого. Видимо, что-то подобное напишут и в ее «деле». Только не понятно, зачем такая декорация? Разве не легче просто придушить ее и выдать это за самоубийство?

Саша с трудом фиксировала свои мысли, она пыталась не сбиваться. Но ничего не получалось. Она шла по топкому болоту своего сознания, время от времени проваливаясь в небытие. Странно, но в ней не было ни паники, ни испуга. Она и отдавала себе отчет в том, что умрет, и одновременно не понимала этого.

Как-то странно — лежать на кровати и думать, что ты сейчас умрешь. Наверное, можно испугаться, что тебе вдруг станет плохо. У Саши была подруга, которая, боясь за свое здоровье, «умирала» по три раза на дню. Но эта женщина, даже думая, что умирает, не верила в свою смерть. Пугалась, но не верила.

Да, все дело в надежде. Об этом говорил 63-22. Даже умирая, ты не веришь в смерть. Глупая, неоправданная, нелепая надежда. Ведь никто же не придет и не спасет Сашу. Этого не случится. Что бы ни предпринял Николай Иванович, Саши к этому моменту уже не будет в живых.

Саша сама себе удивлялась — она никак не готовилась к смерти.

С другой стороны, как к ней пригодишься? Смерть — пустышка, бессмыслица. О ней невозможно думать, в ней невозможно себя представить. Любая мысль о смерти — иллюзия. Как можно думать о пустоте? Как можно сосчитать ноль? Как измерить пространство

геометрической точки?

Можно понимать, осознавать, что ты умрешь, но нельзя верить, что это случится сейчас.

«Ты еще не пережила того, что открыло бы тебе истину о себе», — услышала Саша голос своего Учителя.

«Но что я должна пережить, чтобы знать это?» — Саша обратилась к пустоте, и ее голос дрогнул.

«Мы судим о мире, исходя из своего опыта, — ответил ей голос. — Но разве есть предел опыту? Его нет. А разве же можно в таком случае узнать себя, анализируя свой опыт и свои поступки? Нет. Предел жизненного опыта человека — смерть. И потому истина о твоей жизни откроется тебе только по ее завершении».

«Я должна пережить смерть?..» — Саша почувствовала, как холод объял ее душу.

«Саша, это же логическая ловушка, — рассмеялся голос. — Отвечая на самые важные вопросы жизни, человек неизбежно оказывается в плену логических апорий. Если ты „переживешь смерть“, истина о тебе потеряет всякий смысл. Обычное сознание приводит к парадоксальным выводам. Но что, если ты согласишься на эту задачу по-другому?»

«Как?» — замерла Саша.

«Помнишь, — голос стал медленно удаляться, — однажды ты рассказала о заключенном, который интересно рассуждал о Боге. Он говорил: человек вспоминает о Боге в минуты отчаяния, в минуты довольства Бог ему не нужен. А коли так, очевидно, что Бога нет.

Эта логика кажется почти безупречной — получается, что Бог не присутствует в жизни человека, он лишь придумывается им, когда это необходимо, как палочка-выручалочка. А так его нет.

И как всегда в таких случаях, это рассуждение — не более, чем логическая ловушка.

Ошибочны опорные пункты. Ведь если Бог есть, это Он *создал человека*, а не человек Бога. И тогда, какая разница — нужен Бог человеку или нет? *Этот человек нужен Богу*. Возможно, Богу даже нужен человек, которому Он не нужен! Ведь у каждого из нас свое предназначение.

Разумеется, мы не можем доподлинно знать, каково именно наше предназначение. Но что с того?! Да, Бог не высылает инструкций. Было бы даже глупо, если бы Он стал перед нами отчитываться! Просто мы должны помнить, что оно — это предназначение — *у нас есть*.

Вот почему тебе нет нужды переживать смерть. Более того, тебе даже не нужно гнаться за жизненным опытом — все успеть, все попробовать. Это ничего не решит, и так ты ничего, не узнаешь.

Но достаточно тебе просто помнить о том, что *ты нужна*, жить с этим, и тогда ты непременно ощутишь смысл своей жизни. Он откроется тебе, как непреложная истина. И это будет истина о тебе, твоя истина.

Смысл нашей жизни не в том, чтобы удовлетворить все свои желания и мечты. Это — тупиковая конструкция, лабиринт без выхода. Стремиться к чему-то — хорошо. Но само стремление — только сила, это еще не смысл жизни.

Помни, Саша, вопрос не в том, что *тебе нужно*. Дело в том, что *ты нужна*. Осмысли не случайность, а необходимость себя, и тогда все в твоей жизни встанет на свои места».

Саша слушала этот голос. И с каждым словом душевная боль капля за каплей покидала ее сердце. Словно вскрылся и таял внутренний гнойник, столько лет отравлявший ее существо.

А лихорадка только усиливалась, Саша покрылась испариной. Пот лил с нее градом. Но она чувствовала свежесть, пронзительную весеннюю свежесть. Будто нежный майский ветерок ворвался вдруг в душную камеру и нежно обнял ее душу.

Нет, учитель не хотел ее обидеть. Он знал, что Саше будет больно, когда он задал свой вопрос, но как иначе он мог пробудить ее отчаявшееся сердце? Она наполнила свою жизнь

отголосками прежних страданий. Она даже гордилась ими. Но какой смысл опираться на боль и отчаяние?

Учитель очень любил этот вопрос — «Зачем?».

«Зачем ты тащишь за собой целый обоз из своих несчастий? — спрашивал он у Саши. — Зачем гордишься своей мукой? Ты хочешь сказать, что это делает тебя сильной? Неправда. Ты живешь своим прошлым только потому, что боишься будущего.

Ты думаешь, что сила человека в его опыте, в пережитой боли? Ну что ж, тогда умри, чтобы у тебя был *весь* опыт! Только, что с ним делать покойнику?.. Сила в тебе, а не в твоём прошлом. И ты нужна без всякой причины. Просто потому, что ты нужна».

«Зачем живет мой учитель? — задумалась Саша. — Зачем он задал мне этот вопрос? Это *мне* было *нужно*. Он был мне нужен, а я обиделась. Глупая, глупая баба! Так все просто, и так долог путь!»

Руки, ноги, тело — все сведено судорогой, постоянным спазмом. Изматывающая, дикая слабость накатывала волнами. Головокружение сменялось обмороками. В глазах двоилось, тусклый свет, падающий в камеру через небольшое окошко, слепил и вызывал слезотечение.

Но вдруг неведомая сила подняла Сашу на ноги. Ее словно подбросило вверх. Нет, она не умрет. Она не имеет права умирать. Теперь у Саши есть ответ, теперь она точно знает, что сказать 63-22.

Она скажет ему: «Ну и что, что тебе ничего не нужно. Важно, что ты нужен. Не меркантильно, не с прагматической точки зрения, не кому-то конкретно, а просто потому, что ты есть. И если ты это чувствуешь, твоя жизнь обретает смысл».

Но как она его увидит? Неужели все — опоздала. Слишком поздно?!

Саша подошла к двери и из последних сил принялась колотить в нее:

— Откройте, откройте! Немедленно откройте!

Ее крик захлебнулся в кровавой пене. Саша вытерла рот и увидела свои руки — они были сплошь покрыты язвами.

«Господи, так вот это зачем! — догадалась, наконец, Саша. — Вот зачем начальник тюрьмы приходил к ней!»

Они боятся 63-22. Его нельзя убить, если он сам того не захочет. Он остановит людей, которые осмелятся стрелять в него. Он не примет яд, потому что распознает заговор. Он неуязвим. Но они подойдут к нему Сашу. От нее он не сможет избавиться. Он заразится и умрет.

«Я — как крыса, переносящая болезни!» — Саша упала на пол и зарыдала, вспомнив слова 63-22: «Слишком мало времени. Найди для меня смысл жизни. Спаси себя!»

— Прости, прости меня! — кричала Саша, сглатывая кровь. — Прости!

Двери камеры открылись, и на пороге появились два человека в одежде, напоминающей скафандры космонавтов. Саша сразу узнала эту форму. Это противочумные костюмы. Их используют в специальных лабораториях при работе с особо опасными, смертельными инфекциями.

Вошедшие люди схватили Сашу под руки и поволокли ее по вымершим коридорам и лестницам тюрьмы. Ее тащили к нему, к 63-22, У Саши не было сил сопротивляться, просто двигаться, даже дышать. Но она упиралась ногами, как дикое, пойманное в сети животное.

Хваталась за выступы, перила, ступени. Она боролась...

«И ужас дурного сна может обернуться благом, — услышала Саша знакомый женский голос, — если человек не потеряет себя перед лицом собственного страха и сохранит присутствие духа, даже когда поймет, что спасения больше нет. Поэтому дерись, милая. И что

бы ни случилось, не сдавайся. У тебя все получится! А тяжело будет. Очень».

В следующее мгновение Саша открыла глаза. 63-22 держал ее на руках, как младенца, и покачивал. Бережно.

— Прости меня... — прошептала Саша. — Я опоздала... Но я нашла... Я нашла... Не умирай, пожалуйста... Не позволяй им уничтожить тебя... Ты нужен...

— Тсс, тихо, тихо, — нежно попросил 63-22 и погладил Сашу по волосам, — Ничего не бойся. Я же тебе говорил: ты постоянно меняешь будущее. Ты можешь изменить и Прошлое. Каждое событие жизни происходит в каждый миг. Всегда. Сейчас я смотрю тебе в глаза, и, поверь мне, это длится вечность...

— Ну, все. Наше занятие окончено. Спасибо всем за работу! Саша открыла глаза. Вокруг нее белые стены, столы, стулья, много людей. Все в приподнятом настроении, галдят, собираются.

— А где 63-22? — Саша встала со своего места и огляделась по сторонам.

— Как, где? — удивился ее учитель. — В распечатке, на 81-й странице.

Мы же весь семинар посвятили этому пункту. Понятно, опять уснула... Господи, Саша, когда ты уже отладишь свой график! Так нельзя. — А мы разве?.. — растерялись Саша. — Мы что не..?

— По-моему, мы с тобой это уже обсудили, — улыбнулся учитель, и его тут же отвлекли другие участники семинара.

Не понимая, что происходит, Саша собрала сумку и вышла в коридор.

Там ее остановил звонок мобильного телефона:

— АЛЛО? — сказала Саша, — Да, Катя, это я. Не еду в командировку? Что-то напутали в документах? Понятно, спасибо...

На улице светило солнце, зеленые кроны деревьев играли с ветром.

Машины, прохожие — все куда-то едут, идут. Размеренная жизнь.

И вдруг Саша как будто что-то вспомнила. Открыла сумку, достала оттуда пачку бумаги.

Распечатка. 87-я страница. Пункт 6.322. Саша прочла, улыбнулась

и поспешила домой. Сегодня есть, что отметить: еще никогда ей не было так радостно на душе.

— Чё-то ты ранехонько сегодня... — услышала Саша, выходя из машины.

— На учебе я, Марья Ивановна! — Саша улыбнулась старушке, что вечно сидит у ее подъезда. — Месяц теперь буду от работы отдыхать.

— А чему учишься? И без того ведь ученая, — поинтересовалась Марья Ивановна.

«Вот разведчица! — улыбнулась про себя Саша. — Чувствуется закалка...»

— Не знаю, Марья Ивановна, — задумалась Саша. — Человека, наверное, изучаю.

— А-а-а, — протянула женщина, поправила платок и провела рукой по морщинистому лицу, — Этого зверя, доча, никто не разберет.

— В каком смысле? — не поняла Саша.

— Да вот так глянешь на мир, ведь у всякой божьей твари своя цель есть, — пожалала плечами Марья Ивановна. — Все нужны для чего-то. Вот дерево возьми — кров для одних, еда для других. И так ведь со всем — с птицами, со зверями, даже с мошкаррой. А на что человек-то нужен? Какой с него прок?

«В том-то все и дело, что нет никакого проку. Его цель глазами не увидишь — слишком большая. Зачем-то Бог его создал, а значит — он нужен. Главное об этом помнить...», — подумала Саша, но ничего не сказала.

— Нам пути предписаны, доча, — услышала Саша, открывая дверь подъезда. — Кто думает, что выбирает, сам себя путает.

Саша обернулась и посмотрела на Марью Ивановну. А та, глядя в небо выцветшими, почти белесыми глазами продолжала нашептывать:

— Неисповедимы пути Господни, и карты на них не придумано. Ты, знай, иди себе и иди. Если идешь, значит оно так надо. Только не сомневайся. В сомнении — страх, а в страхе — смерть.

Саша чуть не расплакалась.

— Э-э, доча! — окликнула ее Марья Ивановна. — Забыла совсем. Письмо тебе вот. Парень принес какой-то. Красивый, черт!

Марья Ивановна протянула Саше конверт из бледно-желтой бумаги, скрепленный красной сургучной печатью с анаграммой — «LCR».

Саша вздрогнула, приняла письмо и поспешила наверх, в свою квартиру. Сбиваясь с ног, оступаясь, падая, роняя вещи, не попадая ключом в замочную скважину...

Она читала его письмо, сидя на полу, прижавшись спиной к входной двери, глотая слезы... радости.

Свет, Саша, это то, что у тебя в сердце. Сердце — это любовь, а любовь — это жизнь. В этом правда, и другой нет. Нет греха и нет темных сил. Жизнь без любви — вот грех и темные силы. Страх и отчаяние — вот истинная смерть.

Ты рассказала мне об этом. Саша.

Любовь — бесконечная дорога, по которой двое идут навстречу друг другу. Но случается так, что по этой дороге идет лишь один. И если он любит, ему предстоит пройти всю бесконечность этого пути. Он идет за двоих.

Ты сделала так, Саша.

И понял я Данте, любившего мертвую Беатриче. Он прошел весь путь в одиночку. От начала и до конца. Он придумал Ад, чтобы вознести Беатриче на вершину Рая. Он вморозил меня в сердцевину земли, чтобы отмерять от моего чрева бесконечность своего чувства. Он разъял мир, не веривший его любви, на круги и уступы, сферы и небеса.

Я считал это безумием, пока не узнал твоего сердца. Саша. Я изучал безумие чистой любви и не нашел его. Ни страха, ни отчаяния, лишь жизнь, которая есть Любовь.

Здесь изнемог высокий духа взлет; Но страсть и волю мне уже стремил. Как если колесу дан ровный ход. Любовь, что движет солнце и светила.

«Божественная комедия», «Рай», песнь тридцать третья, четыре последние строфы.

Красота твоего сердца, Саша, превыше любых красот. Пожалуйста, не скрывай ее. Живи так, чтобы Вечность могла любоваться ею.